

Андрей
Воронов-Оренбургский

ФАТУМ

ТОМ ПЯТЫЙ

В ПАСТИ ГОРГОНЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том пятый.

В пасти Горгоны

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Воронов-Оренбургский А.

Фатум. Том пятый. В пасти Горгоны / А. Воронов-Оренбургский — «ЛитРес: Самиздат», 2003

ISBN 978-5-532-07773-7

1815 год. В результате революции в Мексике русско-американским колониям грозит война. В Калифорнию отправляются два посланника – из Мадрида и Санкт-Петербурга. Каждый из них везёт секретные директивы, способные предотвратить нарастающий конфликт. Но вмешиваются третьи силы, и коронных гонцов подкарауливает смертельная опасность на каждом шагу. «Фатум» продолжает традиции старых добрых романов, невероятно насыщенных событиями, географическим размахом путешествий, калейдоскопом ярких персонажей. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07773-7

© Воронов-Оренбургский А., 2003
© ЛитРес: Самиздат, 2003

Содержание

Часть 1 След Дьявола	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	36
Глава 11	40
Часть 2оборотень	43
Глава 1	43
Глава 2	47
Глава 3	51
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Воронов-Оренбургский Фатум. Том пятый. В пасти Горгоны

России посвящается

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленной Аляски.
С. Марков. «Предки»*

Часть 1 След Дьявола

Глава 1

Трехдневные поиски ни к чему не привели. Драгуны Луиса в очередной раз сбили лошадей спины, измучились, вдоволь наглогались пыли и лишней раз убедились, что имеют дело с дьяволом.

Настроение в отряде было дурное; многие открыто поговаривали у костров, что пора возвращаться в Монтерей и не гневить Бога. Погоня увела их к северу от Сан-Ардо, в суровый край песка, скал и жесткого, как кавалерийская щетка, кустарника. В этих пустынных, мрачных местах нужно было держать палец на курке. Отдельные, мелкие группы повстанцев ушли именно в такую глушь. Дела инсургентов, без сомнения, были плохи, но многие из них являлись уроженцами сих мест, а это означало, что они всегда могли надежно укрыться в скальных лабиринтах не хуже индейцев.

– Похоже, нам никогда из этой страны не сделать рая, капитан, – скептически морща лоб, заметил ехавший рядом лейтенант.

– Не будьте адвокатом дьявола, Паломино, наш губернатор не одобрил бы эти слова. Не одобряю и я их. Король и церковь существуют не для того, чтобы сделать рай на земле, а чтобы не допустить ада.

– Очень может быть, дон, – лейтенант звякнул шпорами, подгоняя коня. – Но мне думается, что насилие всегда разрушает то, что оно пытается защитить.

– Вы говорите о политике Испании, Паломино?

– Зачем, совсем нет. Просто рассуждаю вслух. Разве Франция тому не пример? Империя Буонапарте рухнула. И разве не кровь и мясо его солдат помогли этому?

– Это плохая тема, лейтенант. Я не люблю, когда эзоповским языком начинают проводить параллели с моей Испанией. Да, патриотизм, честь, вера – качества редкие в наше время. Но мы слуги его величества, а посему обязаны помнить, лейтенант: жена может нравиться, а службу надо любить.

– А может, наоборот? – жмурясь на ярком солнце, пошутил молодой лейтенант.

– Может, если у вас мозги набекрень, Паломино, и вы твердо решили расстаться с карьерой офицера. Советую впредь не распускать язык и не пользоваться моим расположением к вам.

– Простите, дон, – Паломино обжег плетью опять сбивающегося с рыси на шаг жеребца. – У вас, похоже, паршивое настроение, команданте?

– Это еще слабо сказано. Эй, лейтенант, распорядитесь, чтоб эскадрон перестроился двойками. Впереди каньон.

Каменистая, с разбегающимися скорпионами тропа пошла под уклон. По обочинам ее стали появляться редкие деревца, хилые и корявые из-за отсутствия должного солнца, – дубы, буки, красная сосна и вечные заросли чапарраля. Всадники продвигались медленно, глубокие рытвины и вымоины от ручьев пересекали путь, будто гигантские колеи, и всё, как назло, поперек. Объехать их было невозможно, приходилось часть спешиваться, чтобы не угробить лошадей.

Через час-другой они напрочь потеряли направление в песчаных лабиринтах и знали твердо только одно, что двигаются на север. У людей создавалось гнусное ощущение, будто кто-то вел их, как скот на бойню, а они покорно брели всё дальше и дальше в самую глубь. Податливая красно-коричневая почва, напоминавшая творог, чавкала под ногами, повсюду теперь били ключи, и вскоре оказалось, что они следуют за крупным ручьем, пробивавшим себе дорогу

сквозь глину и камень. Испещренные гнездами стрижей стены каньона поднимались всё круче, разлившийся ручей бойко звенел, словно пытался ободрить измотанных кавалеристов.

За очередным извивом ручья жерло каньона так сузилось, что капитаном был отдан приказ растянуться в цепь, и тут крики ехавших впереди драгун заставили их хлебнуть страха. Откуда-то сверху доносился пронзительный писк и шум, будто хлопали половики.

– Дьявол, что там происходит? – Луис вскинул штуцер, конь встал на дыбы, едва не опрокинув его на ехавшего следом лейтенанта. В следующий момент де Аргуэлло замер в седле, пораженный тем, что увидел. Воздух, казалось, взрывался над его головой от сотен крыльев бог весть откуда взявшихся летучих мышей. Жеребец капитана отчаянно заржал и, раздувая трепещущие ноздри, шарахнулся в сторону.

– Зажечь факела! – закричал он, оборачиваясь к Паломино, и содрогнулся. Лицо лейтенанта было закрыто перепончатыми крыльями облепивших его голову тварей. Каньон огласился жуткими криками и пальбой. Они, казалось, попали в ураган из летучих мышей. Зубастая мерзость с пронзительным писком атаковала отряд. Летучие животные вцеплялись в шляпы и каски, волосы и в сукно мундиров. И вскоре покрыли лошадей и людей сплошным копошащимся ковром. Стены каньона, деревья, кусты — всё было забито ими. Воздух рябил от черной перхоти их мятущихся тел, напоминая подхваченный ветром пепел.

– Разводите огонь! – запаливая факел, орал капитан, пробегая мимо корчащегося у ручья в агонии сержанта. Он слепо рвал на себе мундир – глаза его превратились в красные дыры. Беспорядочные хлопки выстрелов отпугивали разлетающихся черным ключем летучих фурий, но число последних измерялось тысячами, а на смену издыхающим слетались всё новые и новые полчища. И только когда в руках у драгун затрещали смолой дымные факелы, крылатая орда поднялась в небо и будто черная туча унеслась прочь.

– Проклятье! Это какое-то наваждение! Вы в порядке, лейтенант? – срывая двух запутавшихся в его волосах тварей, окрикнул Луис.

– Это дурной знак, команданте! – Паломино судорожно вытирал окровавленное лицо крагой. – Мы потеряли семь человек. Похоже, эта тропа ведет в логово Сатаны!

– Держите себя в руках, лейтенант! стыдно! Пересчитайте раненых. Пусть наложат друг другу повязки, и к черту из этой дыры. К обеду мы должны выбраться.

Под каблуком де Аргуэлло сыро жмякнула раздавленная мышь. Он брезгливо очистил сапог о траву и огляделся. На миг вселенские шестерни, казалось, замедлились в своем вечном вращении. Всё потонуло в каком-то плавающемся мареве.

Дон Луис видел съжившегося около ручья сержанта. Белая португеза его медленно превращалась в алую. Вокруг точно во сне металась его солдаты, из подсумков доставались бинты и щетки, которыми из грив и хвостов лошадей выдирались еще трепыхавшиеся паразиты. Капитан медленно подошел к своему скакуну, но долго не мог собраться поставить ногу в стремя. Желтые стены каньона тягуче кружились вокруг него. Он посмотрел на свои окровавленные пальцы, втягивая носом запах бойни.

«Может, я действительно зря загоняю людей в ЕГО поисках? Может, ОН сам найдет меня? Ведь смерть не ищут...»

Мрачно ухмыльнувшись зародившейся мысли, он перекинул испачканную кровью узду через голову коня и заскочил в седло.

«Неужели падре Игнасио был прав, и слепой краснокожий тоже?» «Он заговоренный...» – вспомнились слова очевидцев.

– Поторопитесь, – Луис вскинул руку, давая знак драгунам, и пришпорил жеребца. Купоросовый запах крови в этой жаре вызывал приступ тошноты. Для себя он решил не делать выводов сгоряча. «Плох тот стрелок, который сдается после первого промаха...» Перед глазами выпукло встал образ Терезы. Капитан перчаткой смахнул набежавшую слезу. «Ее смерть я не прошу ни ангелу, ни Люци-феру».

И если в людях, шедших за ним, мучения тяжелого пути рождали бессильную злобу и трусливое отчаянье, то для него самого все эти тяготы и муки были что ветер для костра.

Он чувствовал, как снова вскипает кровь в его жилах. Нет, не кровь, а сама жизнь, сотни раз проклятая, постылая и вновь желанная! Мечь стучала в его груди, требуя яростной борьбы и движения только вперед.

Луис де Аргуэлло крепче сжал посеребренный повод. Он знал, на что идет, как знал и то, что обрекал себя на путь, с которого нет возврата.

Глава 2

К полудню, как и предполагал капитан, эскадрон покинул каньон. Мрачные гроты – скопища летучих тварей —остались позади, это приободрило драгун, половины страхов как не бывало. Перед ними будто распахнулись ворота, и в глаза блеснул солнечный свет. Всадники выезжали из гигантской промоины, прорезавшей крутоверхий, почти отвесный каменистый берег. У копыт лошадей раскинулись пышные заросли осоки, черной ольхи и яркие лоскуты разноцветного мха. Появление драгун вспугнуло целые тучи чечевичников и луговых трупиа-лов, которые взмыли в небо, огласив пойму реки тревожным граем.

Луис прищурил глаза; впереди виднелся другой поло-гий песчаный берег, плавно переходящий в равнину. Дремотный зной окутал ее своей полуденной негой.

– Куда нас занесло, команданте? Какие будут распоряжения?

– Сдается, мы крепко хватили на север, лейтенант. Уж не приток ли это Сакраменто? – Луис указал дымящейся сигарой на мутно-бурые струи реки, что тихо катила свои воды перед ними.

– Сакраменто? – лицо Паломино вытянулось, как будто вместе с текилой он глотнул из фляжки здоровенную жабу.– Вы так считаете? А разве это не северный приток Салинас?

Удивление в глазах лейтенанта разрасталось, словно пожар в лесу.

Капитан посмотрел на него сверху вниз:

– Ручаюсь, амиго. Не надо спорить. Другое волнует меня: мы потеряли след, въехав в каньон. Но черт с ним, бьюсь об заклад, я отыщу его.

– Он все выше уходит на север, к русским...

– В том-то и дело! – Луис раздраженно бросил окурочок в реку.– Если эта тварь уйдет за Юкайа... Мы повернем лошадей на юг. Нас ждет губернатор, а испытывать его терпение – сам знаешь. Скажи ребятам, чтобы перекусили. Спешиваться не будем. И так потеряли уйму времени. Движение вдоль реки, лейтенант. Вышлите авангард. Замыкающим пусть остается Альфредо. Когда он в арьергарде – отдыхаешь спиной. Ну, с Богом! Может, нам повезет, наконец, черт возьми!

Капитан привстал в стременах, осматривая пустынные, но по-своему прекрасные окрестности, а затем дал шпоры.

Так они проехали более часа, прежде чем высланная вперед четверка сообщила, что обнаружила многочисленные следы.

Луис де Аргуэлло дорожил своей честью куда более, чем еврей деньгами, поэтому тщательно исследовал берег и успокоился только тогда, когда отыскал то, что хотел: перевернутую звезду, закованную в полукружье подковы.

– Он был здесь несколько часов назад, капитан. Пожалуй, утром,– Паломино соломинкой измерил насто- явшуюся влагу, которая заполняла отдельные отпечатки копыт.

– Скорее всего ты прав, лейтенант.

Луис резко взглянул на своего юного друга. А тот с невозмутимым видом, втайне упиваясь скупой похвалой командира, продолжал:

– Судя по следам, их не менее пяти-шести десятков, дон, чуть меньше, чем нас. Полагаю, справимся. Прикажете преследовать?

Де Аргуэлло медлил с ответом, поглядывая на замерших в седлах и ждущих его приказа драгунов. Капитана тяготило отсутствие близ находящихся форпостов. Кто знал, как повернется дело? Быть может, потребуется помощь, а ждать ее не приходилось. Впереди лежал нелегкий опасный путь, а его солдаты и без того уже едва держали ноги в стременах. Порох и свинец после стычки с бандой Раньери в Сан-Ардо тоже были на исходе. В какой-то момент Луис засомневался, почувствовав свою беспомощность перед затеей, которую сам и заварил; страх

нет-нет, да закрадывался в душу. Играя вслепую с Васего, капитан рисковал, и ставкой была жизнь. Несмотря на презрение ко всем легендам и рассказам о Степном Дьяволе, ему вдруг захотелось иметь втрое больше людей и сабель. Поднимаясь с колен, он с надеждой поглядел на свой окропленный святой водой клинок и прочитал молитву.

– Ну что, лейтенант? – де Аргуэлло посмотрел в беспокойные яркие глаза Паломино.– Риск – это единственный способ взять жизнь за горло. И Господь дает нам эту возможность.

Эскадрон шумно вброд перешел речушку и, взяв след, погнал лошадей. Стоявшее в зените солнце нещадно обжигало кожу, раскаляя пряжки, стволы ружей и прочие металлические вещи. Теперь на их пути не было ни ручьев, ни хоть какой-нибудь ямы с водой, лишь пересохшие мелкие русла с растрескавшейся глиной, на дне которых мелькали длиннохвостые ящерицы. Однако на этот счет Луис был спокоен: лошади по его приказу были предусмотрительно напоены, а кавалерийские фляжки полны.

Было около трех часов, когда рядовой Кристобаль, первым поднявшись на невысокий гребень, подал сигнал тревоги. Подъехавшие разделили его опасение. Перед ними расстилась прямая, как сковорода, альменда, на горизонте которой наблюдалось явно какое-то движение.

– Что там, дон? – Паломино нетерпеливо протянул руку к передаваемой подозрительной трубе.

– Ни черта не видно... одна пыль.

– Будем атаковать?

– Помолчите, лейтенант. Ничто так не раздражает в жизни, как суетливость. Эй, Альфредо, – капитан обратился к бывалому драгуну. – Что-то уж больно много пыли для сотни всадников?

– Да, команданте. Похоже на погонщиков скота... Может, индейцы?

– К черту, их только еще не хватало!

– Да, этих бестий лучше держать в приятелях... Враги их долго не живут, – вытирая шейным платком пыль с лица, откликнулся ветеран. – Только откуда им взяться здесь, команданте? Наши краснокожие лошадей не держат, разве что юты¹ возвращаются из набега...

– Дьявол, расстояние слишком велико. Я до сих пор не пойму: от нас или к нам движется эта пыль?

Но на сей вопрос никто не ответил. Настроение было поганое. Капитан проехал на своем жеребце вдоль фронта, колко поглядывая в сторону горизонта. «Бог ведает, сколько их там, и кого? Инсургенты, индейцы или люди Васего?»

– Что вы надумали, капитан? – конь приплясывал под подъехавшим лейтенантом. – Похоже, они двигаются на запад, к побережью.

– У победы десятки отцов, Паломино, поражение — всегда сирота. Впрочем, – Луис воинственно натянул кавалерийские краги, – везет тем, кто готов к везению. Эскадрон! Приготовиться к атаке!

¹ Юта – одно из воинственных индейских племен плато крайнего Юго-Запада.

Глава 3

Пыль, крики погонщиков и драгун, лай псов, ржание лошадей – всё смешалось в одну надсадную, бесконечную ноту. Длиннорогое стадо растянулось по равнине более чем на милю. Казалось, что оно движется само по себе, так как рыже-коричневые тучи пыли, поднятые животными, напрочь скрывали пастухов вместе с их лошадьми. Докричаться было невозможно: всё тонуло в реве сотен голов скота и в каменистом грохоте копыт, сотрясавших землю.

– Помилуйте, сеньор, больно! – глотая пыль, застонал закутанный в драное серапе старый погонщик.

– Что ты знаешь про боль, несчастный? Тебя, похоже, ни разу не целовала пуля. Как ты смел послушаться слуг короля?

Сапог Луиса сильнее надавил на горло пастуха.

– Мы свободные погонщики, дон. Я никогда не клялся в верности королю.

– Неважно! Он ваш король, и этого довольно!

Луис, не убирая ноги с шеи скотовода, с размаха ударил того кулаком в подбородок. Голова отлетела назад, ноги дернулись, скребя каблуками о землю. Пастух захрипел, изо рта через нижнюю губу и подбородок потянулся ручеек крови.

– Твое имя, мерзавец? – де Аргуэлло ошупывал незнакомца медленным взглядом.

– Хосе Тавареа, господин капитан, из Пасо-Роблес... Знаете, наверное?.. Если хотите, возьмите двух лучших бычков для своих солдат... Я помогу вам выбрать.

– А ты хитер, Хосе, – Луис присмотрелся к талисману, болтающемуся на груди пастуха, – желтый лошадиный зуб на серебряной цепочке.

– Да, видно, не очень, сеньор. Встать мне хоть можно – стадо разбредется.

Щурясь от солнца, Луис улыбнулся в ответ той улыбкой, от которой мороз пробегает по коже. В ней сквозило что-то похожее на презрение, а может, и любопытство.

Пауза затягивалась, и Хосе Тавареа теперь уже отчетливее слышал тяжелые, гулкие удары собственного сердца, чем гул потревоженного стада. Во рту внезапно пересохло. Однако у него хватило мужества и сил, сплюнув кровавый сгусток, прохрипеть:

– Если вы решили убить меня, делайте это скорее. Только прошу и заклинаю Мадонной, не троньте моих сыновей! – Тавареа скосил глаза, с тревогой глядя на солдат, которые кружили на конях вокруг согнанных в круг молодых погонщиков.

– Они все твои? – в голосе де Аргуэлло прозвучало недоверие.

– Все девять, сеньор, – с гордостью ответил старик. – Старшему будет как вам. А младшему двенадцать.

Луис еще раз поглядел через плечо на сыновей погонщика – крепкие, прокаленные на солнце и ветре парни. Такие же дерзкие и упрямые, как их отец. Чем не солдаты?

– Я мало кого люблю, Хосе, но и меня мало кто. Я мог бы вытереть об тебя ноги, но ты мне нравишься.

Рыжий от пыли сапог капитана медленно опустился на землю.

– Лейтенант! Отпустите их! Сделаем тут привал.

Луис повернулся к поднявшемуся с земли пастуху и хлопнул его перчаткой по пыльному плечу:

– Но два бычка за тобой, амиго. Ведь я не ослышался, верно?

* * *

Бархатный вечер тянулся, как смола. Сыновья Хосе ловко управлялись со скотом, сбивая его в одно огромное стадо. Единственная их просьба была: не стрелять возле коров.

Меж тем пара жирных бычков была отобрана, и Тавареа, достав из чехла нож, проворно справился с задачей. Они действительно оказались на славу: холки и ребра были схвачены

слоем белого как снег жира толщиной в три пальца. Голодные солдаты, не скрывая, радовались такой удаче. Радовался с ними и сам погонщик. Рассекая тушу большим навахским тесаком и вырезая язык, печень и лучшие куски мяса, он напевал старую пастушью песню; и потом, когда с разделкой было покончено, он, отгоняя назойливых мух и вытирая руки, улыбаясь, сказал:

– Как говорят у нас: если хочешь узнать настоящий вкус мяса – обратись в Пасо-Роблес, только не проглоти язык.

Пока шла готовка и закипала вода, дон Луис, угостив старика дорогой сигарой, вел с ним неспешный доверительный разговор.

– Тебе, похоже, Хосе, не нравится, когда на твоём пути появляются солдаты?

Старик хитро улыбался, смакуя каждую затяжку, но отвечал прямо, с деревенской открытостью:

– Признаться, мало кто рад вам, сеньор. Народ обычно молится, чтобы вы быстрее ушли.

– Вот как? Странные вы люди, Хосе. На вашем месте я бы не торопился с молитвой. Ведь с нами из ваших пуэбло уходят и последние крохи порядка. Ты, часом, сам не повстанец? Может, сочувствуешь им?

– Боже упаси, сеньор.– Старик перекрестился, заботливо переворачивая на углях румяные куски мяса.– Нашему брату не по пути с гамбусино. Эти лентяи работать не любят... Крушить, грабить – вот их удел, а проливать пот и мозолить руки...

Тавареа покачал побитой сединой головой.

– Неплохо сказано.– Луис поглядел на разбитые тяжелым трудом руки погонщика.– Но по глазам вижу, ты недоволен мною. Не бойся, я не трону и не обижусь, дам даже золотой, если сумеешь правдиво сказать, почему.

В руке капитана ярко блеснула монета.

Хосе насторожился: соблазн был велик, но опыт подсказывал быть начеку. Пастух прекрасно знал: перед ним один из сыновей Эль Санто, с которыми не только чесать язык, но и глазеть в их сторону было опасно. И пусть он был бы даже трижды прав в своей правде, выигрыш будет, один бес, за ними. Потому как то, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Тавареа еще раз посмотрел на золотой и развел руками:

– Что я могу сказать?..

– Врешь.

Реал упал в заскорузлую ладонь погонщика.

– Я же дал тебе слово, старик.

– Будь по-твоему.– Хосе благодарно спрятал монету на поясе и, глядя на алые угли, нехотя начал: – Что кривить, господин капитан. Такие, как вы, дали себе труд только родиться. Порода, деньги, власть... Тут немудрено и возгордиться... Взлететь выше небес. Это горько осознавать идущему по земле. Но знайте, падение оттуда, – пастух указал пальцем на млеющие вечерние облака, – будет смертельным. Я думаю, в жизни всё устроено мудро. Создатель всё видит. Выиграешь в деньгах – проиграешь в любви... Поднимешься в славе – бойся быть несчастным в семье...

– Не каркай! – слова старика обожгли капитана.

По мере его откровений смутные предчувствия сдавили грудь Луиса.

Он глядел на мерцающие угли, а в горячечно работавшем мозгу мелькнули воспоминания последних встреч с младшим братом. Все они были тяжелыми, душными, с натянутыми нервами. Луис сомкнул челюсти – что-то дурное творилось в его изъязвленном сердце. Желанная им самим искренность погонщика вдруг сделалась чуждой и враждебной ему, как и сидевшие неподалеку его сыновья, и капитану отчаянно захотелось расправиться с ними или сделать такое, что отравило бы настроение старика. Замкнувшись в себе, Луис мрачно сидел, бессознательно по-троша и ломая в руке новую сигару. Он думал о Сальваресе, думал о том, что у него есть младший брат, которого он крепко любил, носил на руках, когда тот был еще совсем

крохой, а выходило всё так, ровно ничего этого нет, и при встрече они в лучшем случае пройдут мимо друг друга. Вспомнил и рано ушедшую из жизни мать, ее нежные руки, попытался вспомнить и голос – увы! – не получилось. Зато в ушах отчетливо прозвучал низкий, чуть с хрипотцой, твердый голос отца. Голос, который он так любил и так ненавидел! Сколько? Сколько должно кануть времени, прежде чем я смогу им простить Терезу? Святая церковь, как презирали они ее...

Луис отряхнул ладони и опустил голову на грудь. Казалось, чьи-то каменные пальцы взяли его сердце и выжимают из него последнюю каплю крови. Терзания капитана становились невыносимыми. Он судорожно стиснул белые крепкие зубы и, показалось, даже скрипнул ими.

– Извольте отведать, ваша светлость, – Тавареа учтиво протянул длинный ружейный шомпол, на котором аппетитно дымилось сочное мясо.

Луис хотел было что-то сказать, но лишь передвинул ногу, когда старик, наклонившись, бережно стал собирать в ладонь табак искрошенной сигары.

Меж тем мясо было разобрано и драгуны жадно накинулись на еду.

– Я слышал, скот на рынке подскочил в цене? — Паломино с набитым ртом с трудом выговаривал слова, выразительно глядя на Тавареа. – Кто установил эти дьявольские цены?

– Война с мятежниками, господин лейтенант. И те, — Хосе ткнул себя в грудь, — кто не ленится махать куарто и рисковать шеей. Думаю, нас можно понять. Не сердитесь. Ведь вы только что чуть не убили меня. А до Сан-Фелипе, куда мы ведем стадо, еще пылить и пылить. Кто знает, что ждет впереди? Позвольте вас спросить, уважаемые сеньоры. — Хосе положил на плоский камень мясо и серьезно посмотрел в лица офицеров. — Это правда? Болтают, что может начаться война с русскими...

– Боюсь, что это не болтовня, старик. Армии скоро понадобится много мяса, и двуногого тоже.

– Святая Мария! Может, обойдется? – пальцы погонщика разжались, и степной ветер подхватил рассыпавшийся табак. Но Тавареа даже не обратил на это внимание. — Может, обойдется? – тихо повторил он, с тревогой глядя на своих сыновей. — Не хотелось бы новой бойни...

– А кто ее хочет?

Луис хмуро воткнул в землю рядом с другими пустой шомпол и зачерпнул из котелка кофе.

Глава 4

Закат окутал альменду прозрачной малиновой дымкой и трескотней цикад. Позже пришла ночь, но не ясно-черная, звездная, а какая-то усталая, задыхающаяся и уг-рюмая.

Луис проснулся от холода и внутренней тревоги. Большинство его солдат продолжали спать, завернувшись в армейские одеяла, но кое-кто бодрствовал. Темнота уже изрядно рассеялась; налетевший с побережья ветер был упрям, влажен и холоден.

Де Аргуэлло покосился в сторону почти затухшего кост-ра и в нескольких футах от себя разглядел неподвижную, согнутую спину лейтенанта.

– Паломино! – Луис еле шевелил пересохшим от сна языком.

Лейтенант приподнялся, услышав голос командира. От движения толстое шерстяное одеяло с черным клеймом полка собралось в складки и сползло с груди к поясу.

– Где пастух с сыновьями? – Луис спешно натягивал сапоги.

– Вчера были здесь, – сонно и бестолково откликнулся лейтенант, прогоняя остатки сна.

– Сержант! – Луис пристегнул саблю, бросая беспокойный взгляд туда, где раньше грудилось стадо. – Поднимай людей, отыщите мне этого хитроногого козопаса вместе с его выводком. Тут что-то не так!

Альфредо бросился к не находившим себе места спутанным лошадям, а Луис, костеря свою доверчивость, глянул на небо. Оно, казалось, презирало их малодушие и суету и начинало грозно стонать порывами ветра, покачивая дымчатым, звездным брюхом, и далекие лысые горы подхватывали эту песню.

Драгуны садились в седла, когда слышались крики, прорезался звон подков о камень и из темноты вынырнул всадник. Луис резко обернулся, стараясь оценить опасность.

– Потеряли нас? Я Хосе Тавареа!

На капитана из-под сомбреро смотрели бойкие черные глаза осанистого старика, замotanного в полосатое серапе.

– Близится торнадо, сеньор! – погонщик махнул кнутом в сторону далеких зарниц. – Надо было увести скот, иначе...

– Зачем вернулись? – с трудом сдерживая своего рвавшегося белоногого скакуна, обрубил Луис.

Старик вместе с двумя рослыми сыновьями недоверчиво поглядел на него – мол, серьезен дон Луис или дурачится?

– Ну, как же? Мы не хотели вас бросать на равнине, сеньор. Стоит ли терять время? Торнадо не шутка... Нет, нет, господин капитан, в этом случае платить не следует, – Тавареа категорично покачал головой и протянул капитану обратно серебряный реал. – Мы католики, и должны помогать друг другу.

После сего короткого замешательства эскадрон спешно снялся с места и последовал за пастухами. Они едва успели достичь спасительного каньона, как налетел ураган.

Он обрушился без предупреждения, и теперь, скрываясь под гранитными карнизами стен, никто из них не сумел бы точно определить, как долго бушевал смерч. Это был единый, связанный в нераспутанный узел момент ужаса и хаоса, утроенного беспощадным ливнем, градом и пронизывающим ветром, который ревел вокруг, клином вбиваясь между людьми и стеной, силясь разъединить их. Были и слепящие молнии, высвечивающие обезумевшее стадо, и непроглядный мрак, боль от напряжения, и онемение от внезапной стужи. Но жутче всего была какофония звуков – ошеломляющий треск грома где-то совсем рядом, над головой, волчий вой ветра, рев скота, грохот камнепада, обрушивающегося слева и справа и отлетающего от выступа скалы, под коим они укрывались.

Ураган стих так же внезапно, как и начался. Всё замерло, если не считать несколько сотен взбесившихся животных, которые продолжали надрывно мычать, бряцая при столкновении рогами. Огражденная с двух сторон натянутыми реатами скотина толкалась туда-сюда, безжалостно и тупо давя нерасторопный молодняк. Однако волнение постепенно снижалось: сказывалась усталость, да и страх мало-помалу сходил на нет.

Сыновья Тавареа, достав из тростниковых сумок глиняные свистушки, приблизились к импровизированному загону и начали насвистывать незатейливый пастуший мотив, чтобы как-то успокоить стадо. И через какое-то время им и в самом деле сие удалось. Мятежная толкотня прекратилась, и пыль, стоящая столбом, улеглась.

Пронесшийся смерч оглушил капитана. Один из осколков камней, подобно пуле, чиркнул его затылок. Он помнил лишь, как садануло чем-то твердым и колким. И сейчас нестройная мысль медленно возвращалась. Без всякой радости и восторга он осознал, что Господь даровал ему жизнь. Плоть и чувства Луиса помнили ярое напряжение, внутренний голос вещал, что всё уже позади, но он, один шут, не мог вспомнить ни конца бури, ни порога затишья.

Капитан пошевелил пальцами, ощущая между ними налипшие крупинки песка. Онемение перешло в игольчатое покалывание, призывавшее к действию.

– Что с вами, команданте? – озабоченно склонился над ним Паломино.

– Затылок, – капитан болезненно поморщился, ощупывая кровоподтек.

– Раз голова болит, значит она есть! – ободряюще пошутил лейтенант, помогая Луису подняться. – У вас нет да-же крови, просто сильный ушиб. Может, сделать повязку?

– Благодарю, не стоит.

Луис, чуть припадая на левую ногу, подошел к своему коню и прижался щекой к его бархатным ноздрям. Так он стоял, думая о своем, пока не увидел подошедшего к нему Тавареа.

– А-а, мой постоянный упрек! – Луис пожал руку погонщику и поинтересовался: – Послушай, я вижу, ты славный малый, знаешь, где, что и как. Вот, помог нам с этим чертовым ураганом.

– Да, сеньор. Что делать... жизнь в этих местах часто зависит от чутья. Выпейте вот это. Сеньор Паломино сказал, что у вас болит голова. А этот отвар как ничто снимает боль.

Луис принял из рук Хосе деревянную плошку с шербатым краем, и на этот раз, не долго думая, опрокинул содержимое в рот.

– Простите, сеньор: это, понятно, не мое дело... Но как только я увидел вас, понял... Что-то неладное с вами творится.

– Почему? – искренне удивился Луис.

– Да потому, что вы на себе, похоже, весь мир носите, дон. Уж не знаю какой, но висит камень на вашей душе. Злость ли то, обида на жизнь или еще что?.. Скинуть бы его вам...

Луис в очередной раз подивился прозорливости старика, но ничего не ответил, вспомнив лишь слова своего родителя: «В каждом из нас, дети, сидит дьявол, и пока не найдешь его, пока не вырвешь – покоя не будет».

– Пожалуй, ты прав, скотник. Нет покоя в моей душе... и не будет, покуда не найду ЕГО.

Тавареа, куривший трубку, на удивление капитана спокойно кивнул лишь в ответ и выпустил на волю голубую змейку дыма:

– Слышал я поутру эту новость от ваших солдат.

– И что? – взгляд капитана стал жестким.

– Бросили бы вы это, дон. Всякий знает: в сие дело легче войти, чем выйти. У НЕГО нух зверя, как водится у слуг Сатаны. Скрутитесь вы с шипением, подобно шерсти в огне, и сгинете в этой погоне... Заговоренный он, разве не слышали?

– Слышал.

– И всё же надеетесь выиграть скачку?

– Не знаю.– Луис сыграл желваками, темнея лицом.—Но знаю, что я привык выполнять свои клятвы. У меня к НЕМУ имеется свой счет.

Старик замолчал, в задумчивости потирая меж пальцев свой талисман, а потом, глядя в глаза Луису, спросил:

– Скажите честно, зачем вам это нужно? Ведь вы имеете всё... Пусть бы заработать... Слыхивал, награда обещана за НЕГО вашим отцом.

– Нет, старик. Всё, что я смогу заработать,— это, возможно, смерть.

– Тогда ради чего?

– Ради справедливости. Не может зло править миром!

– Я понимаю,— смягчившееся лицо погонщика в этот миг особенно ярко проявило старческие черты. Он тяжело вздохнул и, точно сам рассуждая с собой, молвил: – Всё оно так. Но злом и силой борется со злом и силой лишь зло. В том оно и подчиняется воле Иисуса. Помните об этом, сеньор, вам избирать свой путь. Не знаю, зачем я всё это говорю. Может быть, потому, что я отец и у меня у самого сыновья... Сколько храбрецов уже сложило головы в погоне за НИМ? Отметина смерти и в ваших глазах, капитан. Берегите себя.

– Прощай, Хосе.— Луис с благодарностью сдвинул его плечо.— Доведи свое стадо с Богом.

– А как же, сеньор,— приподнимая выжженное солнцем сомбреро, прохрипел тот.— У меня ведь другого выбора нет. Удачи и легкой дороги вам.

Глава 5

С восходом солнца сотня де Аргуэлло снова была в пути. От травы шел пар; хилый ручей, совсем было умерший от засухи, теперь, после обильного ливня, поднялся почти на фут и бойко журчал среди белых камней. Птицы, щебеча, взлетали из редких кустов, и тени их черными пятнами плясали по земле.

Когда всадники покинули укрывавший их каньон Эхо, как называли его погонщики, тропу пересек койот, оставляя за собой беглую длинную зыбь в траве.

Чтобы легче было отыскивать часто теряющийся след, Луис приказал растянуться в шеренгу. Его драгуны, по-крытые грязью и пылью бесконечных дорог, явно выбивались из сил и откровенно грызлись между собой, когда заходил вопрос, кому идти за водой или валежником.

Близился полдень. Жаркое, цвета серы солнце выглянуло из-за туч и сделало дальнейший путь адом. В тени песчаной скалы решено было устроить привал и бросить что-нибудь в желудок. Никто не говорил; развели костер, у которого, звеня котелками, засуетился повар. Усталые солдаты ели, кто – сидя на корточках, кто – на снятых с лошадей седлах, предварительно осмотрев землю и раздавив каблуком одного-двух скорпионов или другую ядовитую нечисть.

Выпить кружку горького кофе и пожевать пресную лепешку к капитану подошел Паломино. Он теперь не был тем свежим, в прекрасно сшитом мундире лейтенантом, который радовал глаз. Спаленное солнцем лицо, кожа, давно не знавшая бритву, испачканные грязью лосины; в нем появилось что-то новое, как, собственно, и в остальных, чего раньше им не хватало. «Они чертовски устали, – подумал Луис, предлагая ему жестом присесть рядом, но тут же возразил сам себе: – Нет, они не только устали. Они ожесточились на весь белый свет и хотят драться. Раньше я не видел этого огня в их глазах, а теперь да. Они жаждут найти то, чего ищут!»

Когда кофе был допит и офицеры закурили сигары, капитан, улыбнувшись, сказал:

– А вы с характером, лейтенант.

– Вы тоже, – сдержанно кивнул тот и через затылку серьезно добавил: – К радости или к беде, но скачка на этом не заканчивается.

– Ты что, сломался?

Луис посмотрел на него пристально и сурово.

– Когда мы сцепимся с ними, – Паломино поднялся, одергивая пыльный мундир, – я буду рядом с вами.

Они встретились испытывающими взглядами, не мигая, будто целясь друг в друга, и тут Луис рассмеялся:

– Черт, ты мне определенно нравишься, лейтенант. Советую вздремнуть, если получится. Через час высту- паем.

Оставшись один, Луис растянулся на траве, подложив под голову седло и прикрыв глаза намоченным из фляжки платком. Так было весьма удобно, он мог на какое-то время отогнать все свои мысли, забыться, отдавшись ощущению теплых лучей солнца и ласке прохладного ветра, гулявшего по степи.

Но то ли изжога от выпитого кофе, то ли неутомные слепни, вьющиеся кругами над головой, так и не дали ему сомкнуть глаз. Луис удивлялся сам себе: раньше таких проблем он не знал. Еще совсем недавно, возвращаясь из Мехико, на каждом привале он спал, как убитый... Но после Санта-Инез, после гибели Терезы и мадридского гонца...

«Интересно, что там было в послании? Бернардино, конечно, давно уже передал его отцу. Гонец из самого Мадрида! Это не партию в кости сыграть. Неужели я прав, и вице-король замешан в какой-то интриге?»

Капитан до мелочей припомнил лицо герцога Кальехи дель Рэя, старинного друга его отца, и ему в очередной раз стало не по себе. «Иисус Мария, неужели отдаваемый им приказ изначально таил в себе ловушку для меня?.. Отца? Новой Испании? Только ума не приложу, в чем ее смысл? Отец, конечно, разберется... Но ведь это ПРЕДАТЕЛЬСТВО!» – застучало в висках.

Луис прочитал молитву, благодаря ангела-хранителя, который отвел от него беду, не дав взять на душу грех. А перед мысленным взором опять всплыла тучная фигура вице-короля, затянутого в бархат, шелк и кирасу. Его теплые объятия и такой знакомый, словно родной, голос: «Безмерно рад видеть тебя, мой мальчик! Рекрео, проводи сына губернатора в покои, где он сможет отдохнуть с дороги. Приготовьте ему ванну, дайте вина и еды. И будьте учтивы с ним, как со мной».

Луис сбросил с лица давно высохший платок. От этих догадок он, как и тогда, в Санта-Инез, не знал, что и думать. Капитан напряженно огляделся вокруг, точно искал чьего-то совета, и содрогнулся в такт прозвучавшим в душе словам: «Измена!» Губы его сжались в жесткую складку, на лице скользнула тень мстительной обиды. Минуту он сосредоточенно думал, глядя на беспокойного муравья, панически ищущего выхода с его ладони, затем зарница какого-то жестокого решения озарила его. «Я всё должен рассказать отцу: и о своих догадках, и тайном приказе вице-короля убить андалузца, и о встрече с братом в доме папаши Муньоса, где он смеялся мне в лицо и говорил, что мадридский гонец – его добыча... Господи! – Луис обхватил голову руками, у него не было больше сил на ярость, казалось, весь порох его иссяк в этой схватке с превратностями Фатума.– Как?! Как разобраться в этой черной игре, освободиться от пут, которыми оказался связан? Глупый! Мне следовало самому мчаться к отцу, а не доверяться чувствам. У меня не было права поступать иначе! Но если пакет уже у отца... И он всё знает? Я верю, он что-то сумеет сделать, что-то изменить... И, быть может, найдет в себе силы души, чтобы простить меня...»

Луис вдруг ощутил себя тем самым беспомощным муравьем, что сновал по его руке. Стоит ему сейчас сжать пальцы... А ведь он так же, как и Сальварес, да, пожалуй, и как их отец, всего лишь муравей в руках герцога. Случись что... сапог Мехико раздавит Монтерей, как, впрочем, и всю Калифорнию.

От безысходности и обмана, от очевидности своей ничтожности в этой крупной игре он едва не завыл.

«Кто я? Кем себя мнил всю жизнь?.. и кем оказался? Рождение, власть, деньги – вспомнились недавние слова погонщика – дали мне всё?.. я думал, я сам нарек себя глашатаем правды и справедливости. Я делал все, как учил нас отец. Я безумно люблю свою землю, а значит, и короля. Но чьей же правдой и честью я тогда загонял своего скакуна в погоне за андалузцем? Неужели все эти годы нам лгал доверительный взгляд Кальехи? Лгал и его язык, расточая высокие фразы о судьбе и неделимости Великой Испании? Неужели в роскошном сосуде тех мыслей и речей скрывался яд изменника, возжелавшего замахнуться на неделимость Империи?.. О Мать Мария, есть ли тогда под солнцем то, что называется истиной и не становится в конце пути эшафотом для простаков?»

Луис смахнул муравья с ладони и откинулся на спину. На душе было пусто: ни отчаянья, ни гнева, ни страха. Что эти страсти, когда вся жизнь целиком – со всеми мечтами, принципами – рухнула, как карточный домик? Всё, чем он жил, чем дышал, утратило вдруг живой смысл и свой живительный источник. Осталась лишь ясная, как сырая фреска, память.

Закрыв глаза, он силился хоть на несколько минут забыться, но сон не шел, какая-то бескровная вялость заволокла всё тело. Ему вдруг подумалось, что все его заверения, клятвы и жажда мести есть бледная тень против той ответственности за отчий кров, которая лежала на его совести. «Что моя боль, отчаянье, гнев, когда есть отец, брат, сестра, дом, который надо спасти! Я-то всё поставил на кон, движимый мстостью в одном желании утешить свою гордыню.

Нет, честь и правда стуют самой высокой цены, но ты забыл это, предал ради своей пустой сути... О Небо!» – Луис, не выдержав, хватил что было сил кулаком по земле – так, что по лицу хлестнула песчаная крошка. Боль отчасти смягчила душу, на время рассеяв порыв злости и горечи.

«К черту всю эту погоню за призраком! Домой! В Монтерей! Только бы ротмистр не подвел».

Теперь перед глазами неотвязной, слюдяной тенью скакала кривая усмешка дель Оро. Луис гнал ее, но грудь наливалась тревогой. «Не стоит доверять тому, кто служит многим хозяевам. В конце концов он предаст всех... А полукровка как раз такой. Нет, ему не перейти дорогу Симону, – капитан покачал головой. – Бернардино – закаленный клинок и губернатору предан больше, чем себе».

Но чем более успокаивал и резонил себя Луис, тем острее становились его сомнения. И против них в самых сокровенных тайниках души мерцала далекой болью последняя молитва: «Великий Господи, не допусти...»

Из дум де Аргуэлло вывело позвякивание шпор и сабель – лейтенант поднимал драгун. Поднялся и капитан. Хмурые солдаты, явно не взявшие своего от короткого сна, угрюмо седлали лошадей.

Луис потянулся, разминая затекшую спину. Вокруг царила полуденная тишина. Всё живое словно оцепенело от зноя. Слышались лишь неумолчный пересвист птиц да сухой треск цикад. Желая выкурить сигару и размять ноги, прежде чем вновь сесть в ненавистное седло, капитан решил пройтись до видневшейся впереди, на западе, россыпи белых валунов.

– Вы далеко собрались? – поинтересовался лейтенант.

Де Аргуэлло улыбнулся стоявшему с плиткой табака Паломино и лишь махнул рукой, давая понять, что нет оснований для беспокойства.

Глава 6

Луис уже основательно удалился от своих, а белая цепь камней всё еще оставалась вне досягаемости. Местность вокруг изобиловала дичью. Стоило ненадолго затаиться в высокой траве, как можно было подкараулить вилороговую антилопу, пятнистого оленя или какую-другую живность. Но это сейчас нисколько не занимало капитана. Неясная история с мадридским гонцом и паутина, которую плел герцог,— вот что не выходило из ума. «Нет, надо в Монтерей... Время бежит! Положение остается неясным и чревато опасными неожиданностями...»

Внезапно Луис напряг слух. Травы продолжали мерно шелестеть, где-то высоко и кратко прокричал ястреб. Внешне всё выглядело спокойно, но что-то интуитивно заставило замереть и быть начеку. Неожиданно он уловил не то стон, не то приглушенный говор. Места были настолько пустынными и дикими, что, представив себе, что это могло быть, капитан похолодел. Осторожно пригнувшись в траве, он колебался, с трудом подавив в себе желание повернуть назад. Но стыд перед своими солдатами, пусть даже глупый и пустой, не позволил отступить. Выигравшее самолюбие идальго подхлестнуло и принудило крадучись двинуться навстречу звукам. Обернувшись в последний раз, Луис уже не узрел маячившего вдалеке бивака — всё скрывала трава. Виднелись лишь каменистая шапка скалы да черные силуэты зависших над нею стервятников. Темная, отчаянная мысль сдавила душу, но он прогнал ее прочь усилием воли. Добравшись наконец до камней, он чуть приподнял голову — и обомлел.

Красный песчаный склон круто уходил вниз, у подножия которого были двое. Раздетые донага, оба лежали, широко раскинув руки и ноги. Запястья и щиколотки были накрепко прихвачены сыромятными ремнями к вбитым в землю клиньям. Палящее солнце альменды жестоко жгло безжизненную плоть, но это было мелочью в сравнении с тем, как их обезобразили. Мясо на бедрах и икрах было срезано до костей, срезано оно было и на руках. На лица Луис смотреть не смог. Их попросту не было. Вместо кожи их покрывала пористая корка запекшейся крови.

Капитан долго лежал, прижавшись к камням, не в силах пошевелиться. Всё тело похолодело от мелкого липкого пота. Затем, судорожно глотая слюну, глянул еще и застонал от страшной правды.

Полосатое серапе и выжженное солнцем дырявое сомбреро, валяющиеся тут же, у ног одного из несчастных, подсказали де Аргуэлло имя жертвы.

— Нет,— прохрипел он.— Этого не может быть... Тавареа!.. И один из его сыновей... Но они же гнали стадо на юг, а мы... на север...

И тут позади него послышался скрытый шорох, глухо лязгнула сталь, влажно хрупнули удила под зубом коня.

Рука заученно дернулась в слепом поиске и застыла, точно прибитая гвоздем,— он был без оружия. Луис, казалось, прирос к камням. Дыхание перехватило, и душа затаилась, как перед ударом палача.

— Они еще живые. Может, спустишься к ним на исповедь?

Луис машинально обернулся на голос, и ужас отдался в теле короткой судорогой.

В нескольких шагах от него был ОН в окружении своих людей.

— Значит, ты всё-таки есть, Васего, а я считал, что ты миф... — начал было Луис, но замер на полуслове под взглядом, который, казалось, мог заморозить само время.

— Ты сегодня без оружия,— рассматривая свою руку в перчатке, усмехнулся ОН.— Это плохо для тебя. Ты сам выроешь себе могилу, или позволишь эту честь грифам?

— Ну ты и тварь! — поднимаясь с камней, не удержался Луис.— Не знаю, что за лицо ты прядешь под этой маской, но ты — вымирающая порода... Ты — рана на теле земли, полная гноя и червей!

– А ты? Разве ты перестал любить насилие? Странно это слышать. С каких пор кровь стала для тебя дорогим удовольствием? Послушать, так ты просто святой. Но знай, – горящее на солнце лезвие меча коснулось груди капитана. – Тебе всё равно никогда не стереть, как пот со лба, кровь своих жертв. А теперь ответь, зачем ты преследуешь меня? Только не говори, что не хотел со мной свидеться... Это оскорбит мое чутье охотника и моих псов.

– У тебя острый нюх, – пытаюсь выиграть время, прохрипел капитан. Он хотел получше разглядеть и запомнить лицо Васего, но оно оставалось погруженным в густую тень черного капюшона. Сердце Луиса громко колотилось, он не находил выхода и не мог вырваться, защититься от этого мертвого взгляда.

– Убьешь меня – тебя найдет мой младший брат, – с трудом унимая дрожь в голосе, глухо сказал он и затаил дыхание. И это невыносимое натяжение тишины вокруг придавило его ужасом рокового исхода.

– Ты сказал «брат»? – тяжелый меч плашмя опустился на плечо Луиса. – Громко лает собака, которая сама боится.

– Так чего же ты ждешь? Убей! Убей и меня! Но помни: люди – не мухи, которых можно убивать и смахивать на пол. Тебя сожгут на костре!..

– Заткнись, пока я не вытащил твой язык из затылка! Говорить буду я, а ты слушай. Я привык, что последнее слово остается за мной... Пусть даже оно не бывает таким сладким для уха. Ты умрешь, но позже. Я просто хотел посмотреть на тебя. Но ты привыкай к мысли, что ты мертвец... Так будет легче. Странно, что со своим умом ты не смог понять этого раньше.

Луис не услышал – он ощутил плотно гудящий свист пули и настигающий ее сзади далекий хлопок выстрела. Свинец отколол от камня кусок не меньше ладони. Кони под всадниками поднялись на дыбы; со стороны бивака слышался нарастающий гул. Над зеленью трав плеснул отрывистый сигнал трубача.

– У нас с тобой неплохая память, капитан, – Васего не спеша потянул повод своего вороного. – Мы оба не любим забывать то, о чем не хотим забывать. Помни, что я сказал. До встречи.

Сквозь грохот копыт доносились уже отчетливые крики драгун, летевших на выручку, когда по приказу вожака всадники взяли в галоп.

Внезапное облегчение словно опалило жаром похолодевшую грудь Луиса.

– Команданте! – Паломино, спрыгивая на ходу, подбежал к капитану. Луис, разрывая ворот, шагнул к своему спасителю; тяжелая как чугун рука вцепилась в его пунцовый эполет. Лицо лейтенанта дрогнуло и поплыло в глазах Луиса.

– Вы не ранены, дон? – взгляд Паломино накалился мучительной болью. – Madre Dios, похоже, успели!

– В самое время. – Луис крепче сдвинул плечо лейтенанта.

– Ну, а для чего еще друзья? Единственное – я боялся, команданте, если прикажу открыть пальбу... Черт знает, зацепили бы вас.

– А если б и нет? – капитан устало улыбнулся и прижал голову лейтенанта к своей груди. – Ты всё правильно сделал, амиго. Я этого не забуду. Проклятье! Я сотню раз смотрел смерти в глаза, но поверь, сегодня это было ее лицо...

– Думаете, ОН вернется? – лейтенант порывисто по-смотрел на далекое облако пыли.

– Уверен. Выстрелы не испугали ЕГО.

– Но как же мы тогда его остановим?

– Никак, – де Аргуэлло обреченно сцепил пальцы. – Он как сказал, так и сделает. Просто я хочу, чтобы мы были каждую минуту начеку... Тогда у нас есть надежда.

– Какие будут распоряжения? – Альфредо подвел за повод скакуна капитана.

Луис продолжал стоять неподвижно, вглядываясь в растворяющуюся на горизонте желтую пыль.

– Возвращаемся в Монтерей,– натуженно выдохнул он.– Только прежде похороним людей... Они там... – Капитан кивнул головой в сторону белых камней и подавленно добавил: – Человеческая жизнь для НЕГО, похоже, дешевле грязи.

Глава 7

Путь до реки, которую беглецы углядели, достигнув плоскогорья, оказался отнюдь не близким. Наскоро перекусив и уничтожив следы пребывания, отряд уже второй час продвигался к цели, но ни свежести близкой воды, ни характерного шума пенистой стремнины они не слышали. Держа ружья наготове, обвешанные поклажей, как выючные лошади, люди, стиснув зубы, упорно пробивались на Юг, пытаясь вырваться из когтей смерти.

Преображенский, помогая Джессике, шагал в том же темпе, что и все, отгоняя от себя остатки сна, стараясь сосредоточиться. Главнейшая его задача – это без потерь достичь реки, сладить плот и добраться до Астории. Мысль о горячей ванне, спокойном сне и настоящей пище сводила с ума. Причесываясь поутру смоченным в росе гребнем, он с минуту придиричиво рассматривал свое отражение в крошечном осколке зеркала и крайне остался недоволен собой. За последние дни он крепко сдал; заметно похудел, оброс, как мужик, щетиной, в глазах появился болезненный блеск. Впрочем, такие перемены наблюдались и у других, лишь с той разницей, что матросы на это не обращали внимания. Присутствия дикарей по-прежнему не наблюдалось, но сие обстоятельство лишь сильнее накручивало нервы.

– Когда ж они объявятся, холера их возьми? – ворчал боцман, резко направляя ружье на любой шорох.

– А когда у них зачесется, – трунил Соболев, подмигивая Чугину. – У тебя-то, одноглазый перец, уж вся душа, я гляжу, исчесалась. Ты, поди, и глаз-то свой от любопытства потерял?

– Ботало ты коровье, Соболев. И не блазновато² тебе за такие слова? В каждый курятник, в каждый клюз³ нос свой суешь, как береговой делаешь. Тут бы вживе остаться, а ему всё смех. Похоже, в сем плаванье, братцы, нас не Бог, а сам черт цепью сковал. Влипли же мы в переплёт. Эй, Палыч! – снижая голос, окликнул боцман впереди идущего денщика. – Ты, никак, вестовой отца нашего. Может, знаешь сокровенные мысли его благородия: когда мука-то эта кончится? Чо молчишь?

– А то!

– Ишь ты!.. Глянь на него, да он, похоже, без барина своего, братцы, и портки снять не сможет – кусты окрестить!

– Дура ты, дура отпетая, боцман. До седин додышал, а того не смекнешь, что не можно рабу господином быть. Вот ведь, его благородию больше делать неча, как со мной тайны трепать. Не знаю я ничаво! Как и ты, в непонятках живу... да то и не наше дело. Знай, тащи на горбу, да помалкивай.

– Ох и язвец же ты! – Кустов в сердцах сплюнул под тихие смешки моряков и ядрено ругнулся. – Сам в сермяге, борода венником, а туда же, в учителя, бытто школяры мы ему. Сам бы хоть чешую с себя стряхнул! Ходишь, как водяной.

Однако Палыч на обиды боцмана голос не подал, а лишь прибавил шагу, стараясь не сбить дыхания.

Солнце уже показало темя, когда по цепи пролетело тревожное: «Стой».

– А ну, обернуть тряпьем наново всё железное, что гремит! – Тараканов по-волчьи бесшумно, с ружьем наперевес пробежал вдоль растянувшегося отряда. – Глядите, в стране долгогривых надо и думать, как они. Дикае взвод курка за версту слышат, даром что не зверье! Вашбродие, – Тимофей с ходу обратился к капитану, – покуда схоронитесь за этой лесиной.

Зверобой показал тульчанкой на замшелый ствол некогда поваленной бурей огромной лиственницы.

² Блазновато – стыдно (устар.).

³ Клюз – круглое отверстие в борту для пропускания швартовых или якорных канатов.

– В чем дело? – Андрей, не отрывая взгляда от на-пряженных глаз приказчика, половчее перехватил ложе штуцера. Вокруг Тимофея столпились подошедшие моряки.

– Не по душе мне молчанка птиц, капитан. Да и сорока трижды над тем леском трещала, а эта зараза зря клюв не откроет. Отдышитесь здесь, но с дозором... Я скоро вернусь.

Получив на то разрешение, приказчик, пригибаясь к земле, проворно исчез в молодом подлеске, а матросы, не скрывая радости от выпавшей возможности перевести дух и перемотать горячие портянки, стали располагаться за указанной Тимофеем листовницей. У многих так от ходьбы онемели ноги, что, сбросив со своих плеч ненавистные мешки и баулы, они падали и оставались лежать на прохладном мху. Кое-кто из молодых матросов жевал свои скудные пайки и потягивал бережливыми глотками воду из походных фляг. Красные, распаренные от ходьбы лица заливал пот, застилая весь мир.

Преображенский был мрачен и молчалив, и даже Палыч, имевший к нему свой подход и ключик, сейчас боялся тревожить его. Андрей был весь в пыли, кожа зудилась от грязи и гнуса, но желанная река была еще впереди и искупаться было негде. Временами теряя самообладание, он срывал раздражение на матросах, резко обрывал их, при этом стараясь уколоть побольнее.

– Бог с вами, Andre, – тихо, не привлекая внимания остальных, спросила его подсевшая Джессика. – Зачем так злиться и обижать людей?

– Сие мое личное дело. На вас это не отражается.

– Я понимаю, – она, прислонившись плечом к листовнице, продолжала вертеть в руках атласную шляпку. – Если это всё от жары и усталости, сэр, то возьмите себя в руки. Им всем не лучше... и мне в том числе.

– Простите, – Андрей странным взглядом посмотрел на нее, почувствовав угрызения совести.

– Как полагаете... опасность велика?

– Не знаю, – он искренне пожал плечами и уже более мягко сказал: – Таких остановок уже было довольно... Бог миловал... Будем молиться...

Аманда невесело улыбнулась в ответ и взяла его ладонь.

– Ничего, скоро река, а там и Астория. Думаешь, к обеду дойдем?

– Может быть, – он нежно поцеловал ее руку и притянул к себе.

* * *

– Война войной, а обед по кукушке, – сказал Соболев, протягивая Чугину завернутый в тряпицу с солью кусок холодной жареной оленины, рыжий сухарь и щепоть табаку. – Эх, пути-перепутья... С такой собачьей жистью теперя нам бы попить водочки. Хоть Тимофей наш и кабацкое иго, нет в ем меры к пьянству, а местами, один шут, прав. Так жить... и огневку не пить?

– Ну вот, ты еще в ту же дуду, свиристель, – недо-вольно буркнул в усы Палыч. – Нонче голова должна быть чистым хрусталем! Ну, чо глаза остробучишь, али я вру?

– Да нет, – усмехнулся Соболев и почесал опаленную солнцем плешь. – Вот и я тоже с утра приказчику ска-зывал.

– А он что? – Сбруев, утирая пятерней свое широкое, веселое лицо, придвинулся ближе.

– «А я и пью, говорит, чтоб иметь ясну башку». Ну я ему с советом, чтоб, значит, хоть закусь в рот пихал. А он мне – «отвянь». Дескать, покуда пью – не жую. Мне так даже, признаться, братцы, горько стало от евонных обид. Гляди, говорю, Тимоха... Не заблудить бы нам с тобой в этих лешачих местах... А он одно: стучит пальцем себе по лбу и говорит: «У меня все тут карты... в надежном месте». Вот так-то!

– Мало у меня к нему веры, – угрюмо пробасил Зубарев. – Глаз у него добром не горит, всё воровским цыган-ским блеском брызгает... Знавал я таких...

– Верно, Мотенька! – Палыч одобрительно крикнул, кивая головой. – Ежли б не батюшка наш, Андрей Сергеевич, вот крест, родимые, рассчитал бы его в пять секунд. Вот невидаль –

вдоль берега идтить. Хоть на юг, да хоть бы и на север. Голова есть, ноги тоже, поди ж, русские мы... Моряки! Не с таким ладили!

– Вздернуть его, и вся недолга! – рьяно вклинился Кустов. – Что, душа?! Эх, чуглы, зелен ты, что лягушачье дерьмо. Нет у того волка души. Он ее вместе с кровью убиенных выпустил. А что, как ежли он есть убивца главный? И Шульц, и Данька, и другие...

Все замолчали, напряженно посмотрев друг на друга.

– Эй, эй, братцы... – Соболев озабоченно сторстил бороду. – Осторожней с думками... За такие слова...

– Надо, и ответим, – обрубил Матвей, неподкупно сыграв желваками. – Ежли так порешим, то я его сапоги возьму. Они почти новые, и размер мой.

– Ой ли?.. – Ляксандрыч обвел всех глазами. – Смотрите, братцы, не напетлять бы... Так можно и до греха дорыться... Дошло ль до вас?

– Дошло, дошло! По мне, так до всего берега дошло.

Зубарев мрачно поднялся скалой, легко подхватил свой тяжелый, с граненым стволом медвежатник и отошел в сторону.

– Да что ж вы, братцы? Без суда и следствия, а его благородие? Это ж незамолимый грех... Неважно, какой масти пес, лишь бы дом сторожил исправно.

– Добро должно быть с кулаками, Ляксандрыч, а то на шею сядут. – Кустов толкнул в бок Сбруева, точно искал поддержки своим словам. Тот согласно кивнул, но рта не раскрыл, ровно боялся своего языка.

– Ладно, не майтесь умом, – Соболев впился зубами в кусок оленины. – Будем считать, что прислышался нам сей разговор. Угу?

– Слабо твое утешенье. До ушей слова дошли, а до головы никак, – хмыкнул Палыч, ковыряясь иглой в зубах. – Ну да погодим маненько, будем покуда мечтать, что у этого волка хвост путеводный. Авось и вправду к христианским душам выведет.

– Хочешь глотнуть? На, – Ляксандрыч примирительно протянул небольшую латунную фляжку хмурому Па-лычу.

– Нет уж, ты меня не неволь нонче. Хватило мне и Тимохи. Два дня молнии в глазах и гром в кишках громыхал. Ох и аспид же он, змей ядовитый!

– Да ну тебя!

Соболев плеснул в протянутые кружки остальных, с опаской поглядывая в сторону капитана. Когда водка была принята на грудь и благодарные матросы принялись по мешкам прятать кружки, Ляксандрыч, мечтательно жмуря глаза, заметил:

– Эх, родные мои, вот домываемся до людей, отведем душу. Помните, как с Черкесом бывало! Придем в порт, и на «ец»! Он хоть и держал нас в струне, но послабку давал. Уважал матроса. Ты вот, Кирюша, к беде аль к радости его карактер не познал, а ведь Куча, царство ему небесное, верно подмечал: царственный у нас прежде был капитан – орел, лев! Не чета нынешнему... Куды!.. Он уж, брат, ежели руку поднимал, то след на долгую память дарил. Но опять же и роздых давал. Помните, пили-то как? У-у!.. Картуз, бывало, кулаком выбьешь, чтоб, значит, как барская цилиндра днище сталось... глубокое... И айда, мор-ские, в разгул! Так вот, Кирюшка, покуда он, стервец, картуз этот, значит, пробками не наполнялся до краев, наш брат отдыху не знал. Потом, вот Бог, – Соболев под уважительные кивки матросов перекрестился, – где левая, где правая сторона улицы – никто не ведал. Оттого нередко случалось: и утро-то встречали в овраге, где грех в воздухе густым туманом стоял. Ладно, ежли тебя басурман не раздел, считай повезло, а ведь, бывало, голем к причалу шли... За то, конечно, пороли чуть не до смерти... Но то по справедливости. Пить пей, но гордости и обличья русского моряка не теряй. Зато и его благородие гордился нами – русским в драке равных нету. Всех били: и янков, и голландца, и шведа, и беса рогатого, лишь бы дозволили волюшку дать. А он, его кудрявое благородие, на сей счет до чего ласковый был. Поощрял, так сказать. «Русак не трусак,—гово-

рил,— всегда в кулаке держитесь, братцы, тогда вам и сам черт не брат!» Так-то вот, Кирюша, гордись своим родом-племенем и под каким штандартом по морю ходишь. А наш,— Соболев глянул в очередной раз на Преображенского,— уж больно нежен. Смел, ничего не скажешь: с булавкой этой, со шпажкой, значит, в само пекло бросается, но всё равно не тот закал, не тот. Вот и с иноземкой, опять же, беда... — Соболев, раскрасневшись от водки, сплюнул в сторону.— По моему разумению: бабу к телу приближай, а к сердцу нет.

— Это точно,— буркнул притихший Палыч.— Раньше он, небось, ее одним глазом щупал, а теперь, поди ж, всем белым телом владеет.

— Да уж, не без того,— хихикнул боцман.

— Ай, ладно! — зацепленный за живое, махнул рукой Палыч.— Плеснешь, чо ли, борода? Вестовой капитана выудил из ранца кружку.

Соболев, победно улыбаясь, щедро полил денщику.

— Ну, чо закашлялся? — Ляксандрыч хлопнул пару раз сутулую спину Палыча.— Комар в дыхло попал, аль водка не туда пошла? Это бывает. Это пройдет. На, закуси,— он протянул остаток жареной оленины.— Уж больно обхожденье у него с нами, скажу я вам, таки галантерейное прямо.

— А ты хотел бы, чтобы он мясо с костей снимал? —Кустов выпучил бильярдным шаром свой единственный глаз.

— Ну, брякнешь тоже! Диковинно просто. Не привык я к такому. Черкес-то, поди, не профукал бы фрегат?!

— Ну, ты! — пальцы Палыча впились в голландку Соболева и трягнули, что было силы.

— Ать-два, ять-пять! Вы что ж, совсем рехнулись?

Кустов с другими матросами насилу растащили сцепившихся.

— Хороша дружба с пальцами на горле! — под сапогом боцмана сыро жмякнул и брызнул спорами раздавленный гриб.— Нашли время морды фабрить. Тьфу, петухи!

Глава 8

Мало-помалу мужики поутихли. Половина взялась дозорить, другие занялись приведением в порядок своей амуниции. Палыч, по своему обыкновению не теряя времени даром, собрал в подсумок что было под рукой: съедобные корни, шапку малины в золотник величиной, мяты на заварку. Ленивый полдень, мирный щебет птиц притупили чувство опасности. Спустя более получаса после отбытия Тимофея решено было сделать последний привал и попить чайку. В скальной нише, что проглядывала в зарослях сразу за поваленной лиственницей, развели костерок. Сквозь листву потянуло сладким дымком – огонь схватил котелок за чумазные бока. Таиться далее не имело смысла: если их обнаружили, то, один черт, быть сваре, а посему стоило подкрепиться. «Умирать, так лучше на сытый желудок».

– Однако, что-то Тимофея долгонько нет, – Соболев привстал на одно колено и выглянул из-за огромного, поросшего мохом ствола. Перед ним колыхалась зеленая стена пышной листвы, лучи солнца, подобно раскаленным клинкам, вонзались в спину.

– Хрен поймешь, – тихо сказал он. – Чувствуешь себя тут как желудь... Вокруг дубы и свиньи, которые хотят тебя сожрать. М-да, ждать неожиданного – это дело та-ко... – Он нервно сглотнул, свежо припомнив свирепое лицо затаившегося в ветвях краснокожего, и перекрестился.

– Как думаешь, Ляксандрыч, – Чугин, заняв позицию в двух шагах от Соболева, беспокойно кольнул вопросом. – Индеаны там?

– А где ж им еще, живопырам, быть?

Старый марсовый, водрузив на нос погнутое пенсне, пользуясь затишьем, перематывал спекшиеся портянки. Жеваное тряпье разглаживалось на коленях, затем придирчиво исследовались многочисленные дыры, при обнаружении же новых матрос сокрушенно качал головой, всякий раз поминая свой бесценный набор иголок, дратвы и ниток, погибший вместе с фрегатом.

– Ляксандрыч? А, Ляксандрыч?

– Ну? – Соболев утомленно глянул на Кирюшку, засовывая ноги в сапоги.

– Чой-то боязно мне, Ляксандрыч. Тимофея всё нет... Час уж, поди, миновал?

– А ты не бойсь за него. Он лес, как ты свою бабу, знает. По статьям может разложить. В потемках без фонаря каждую стежку найдет. Ты лучше себя схорони от стрелы и от пули.

– Да мне не то чтобы жуть брала умирать, – Чугин зардел лицом. – Просто не хочется быть при этом.

– Это хорошо, – усмехнулся Соболев. – Опасенье — половина спасенья. Ты лучше гляди крепче, у тебя глаза вострее.

Кирюшка по обыкновению растянул губы в улыбке так, что, казалось, за ушами треснет, и пуше стал вглядываться в щебетливый лес.

* * *

Аманду с утра мучила икота, она устала держать платок у рта и нынче сгорала от стыда в присутствии Андрея. Леди ощущала относительный покой – до тех пор, пока шла вместе с отрядом, пока не была дана команда остановиться. Но более всего ее сейчас раздражала его подчеркнутая корректность, а точнее – равнодушие и безразличие к ее недугу.

– Ешьте, ешьте, не стесняйтесь, – Андрей ближе пододвинул нарезанное мясо и размоченные в воде сухари. – Вы же не на приеме, Джессика, где надо клевать как птичке.

– Скажите еще, что настоящая леди не оголяет грудь декольте до обеда, – она едва успела поднести платок к губам, как очередной приступ икоты заставил вздрогнуть ее плечи.

– Да полно вам гневаться, мое очарованье,— он без затей улыбнулся и протянул руку за кружкой.— Прекрасно знаю, что других платьев нет. Да важно ли это?.. Чаю налить? Вот попробуйте, вы любите ягоды?

Капитан участливо поставил у коленей Аманды облезлую шапку Пальча, полную малины.

– Прошу вас.

– С большим удовольствием.

– Мое ничуть не меньше,— он задержал взгляд, смотря, как алая ягода коснулась ее губ.

За последние часы, которые их отделяли от прошедшей ночи, Аманда убедилась, что ее присутствие на корабле, а теперь и на побережье разбудило в капитане давно заглохшую, быть может, почти уже умершую сторону его души. Рядом с нею он становился совсем иным. Возможно, он и сам давно не замечал за собой столь явных метаморфоз. Он принимал ее близость с искренней теплотой и благодарностью. Аманда торжествовала – видно было, что он безнадежно влюблен. Его зеленые большие глаза следили теперь за каждым ее шагом, и в глубине их, когда они встречались взглядами, вспыхивал мечтательный огонек. Капитан был теперь всегда рядом, и Аманда догадывалась, почему он хотел быть каждую минуту готовым защитить ее. Еще прежде чем покинуть расселину и отправиться к реке, он, улучив удобную минуту, тихо сказал: «Я настоятельно прошу вас, будьте возле меня... И если что, то немедленно обращайтесь».

Отчетливо она ощущала на себе взоры и других. Большею частью матросы глядели на нее исподтишка, как воры на лошадином рынке, а то и с почтительным страхом. Исключение составлял приказчик. Зверобой подолгу впивался в нее угрюмым, неподвижным взглядом, не проявляя явного оттенка любопытства или похоти. Вероятно, женщина, да к тому же утонченная дама, виделась ему весьма странным началом, и им овладевали смутные инстинкты. Случайно встретившись с ним глазами, Аманда внутренне содрогалась и у нее начинало сосать под ложечкой. Совсем так же, когда она оставалась один на один с Пэрисоном. Но если с бароном она хоть как-то могла совладать или по крайней мере предугадать его намерения, то при кратких столкновениях с Таракановым ее охватывал страх, как перед какой-то неминуемой опасностью. За всё время его пребывания в отряде он ни разу не сказал ей ни слова. Ощущение его присутствия где-то рядом —неважно, позади или впереди себя,— не покидало ее, и время от времени, когда он оказывался поблизости, это чувство усиливалось.

Будучи леди, Аманда тем не менее сознательно отказалась воздвигать между собой и матросами китайскую стену. В ее положении это было по меньшей мере недальновидно. Напротив, уже на второй день пути она принудила себя быть с этим заскорюзлым мужичьем приветливой и, если угодно, то даже чуть-чуть льстивой. Матросы отнеслись к сему вельми подозрительно, но отдача была скорой. Поначалу они вели себя замкнуто, точно не желали отворять дверь в свой обособленный мир. Но узрев, что их щетина суровости, их намеки и соленые шутки не трогают, разом изменили свое отношение. Исподволь, почти незаметно для себя, они так или иначе попадали под влияние ее женственности. Только вестовой капитана да Зубарев, если не считать приказчика, представляли собой резкий контраст и загадку. С денщиком всё было ясно: старик ревновал, ревновал болезненно, остро, гротескно. Кроме улыбки и легкого раздражения он мало занимал англичанку. Другое дело Матвей. Сидя у костра и пыхая трубкой, он вовсе не достаивал ее вниманием, как если бы она была совершенно бесполезным, ненужным предметом. Был он целен в своей суровости, а оттого загадочен и интересен. Среди матросов он был одинок, как бобыль среди женатых, держался особняком, в спор не вступал, исправно выполнял все приказы, но при этом чувствовался в нем не то какой-то надрыв, не то слом, не то еще что-то невидимое, призрачное, студеное, как ночной туман. Аманде казалось, что над всей его жизнью тяготел мрачный рок. Точно помеченный неведомым заклятьем, он с юности нес тяжелый крест боли и горечи.

Интуитивно Аманда понимала, что для своей безопасности ей важно завязать как можно более теплые, непо-средственные отношения с остальными. С надеждой и беспокойством она следила за силой своих чар. Дома или на светских раутах особа ее была яркая, броская, но не являлась чем-то необыкновенным; жизнь текла просто и есте-ственно. Даже во время сложнейших миссий, которые кроило ей темное окружение лорда Уолпола, она ощущала себя более защищенной. Но здесь всё выглядело иначе. Для этих пробитых ветрами сынов одиночества с их необузданной кровью женщина являлась чем-то бесконечно возбуждающим, куда желаннее и крепче, чем добрая чарка водки. Их глаза с пугающей, странной жадностью следили за нею и будто клянчили милостыню – улыбку, кивок или доброе словцо.

Но несмотря на все свои опасения, теперь она чувствовала себя счастливой и защищенной. Рядом с ней был он. И каждое слово, сказанное им, как вино ударяло ей в голову. Аманда продолжала есть нагретую солнцем малину, а в памяти проплывала их первая ночь, первый поцелуй, когда его губы легко коснулись ее губ, будто для того, чтобы ощутить их вкус и тепло. «Господи, неужели всё встало наконец на свое место? – подумала она. – Неужели пришло время и появился человек, которому я хочу и готова принадлежать? О, если бы еще не этот ужасный груз лжи!..»

– Что с тобой? – он осторожно тронул ее плечо.

– Нет, нет, всё хорошо. Просто вспомнила, как несносно вела себя... Призывая тебя бросить всё и бежать... Боже, я была так глупа.

– Полно, – прижимаясь щекой к ее волосам, тихо сказал Андрей. – Это так по-женски. Скоро, видимо, тронемся в путь. Еще раз прошу: что бы ни случилось, будь спокойной. Властвовать может лишь тот, кто властвует над собой...

– Да, – кивнула она, успокаивая в себе нервную дрожь от его прикосновения. – Так говорили еще древние...⁴ Я постараюсь.

– Ты даже не представляешь, как я сейчас хочу тебя всю, – прошептал он.

– А я? – Аманда теснее прижалась к нему грудью. – Ты знаешь, что прошлой ночью я сделала то, что решила не делать? Скажи, что тебе было хорошо со мной!

– Да.

– Еще!

– Да, да! – он нежно поцеловал ее брови, глаза, чувствуя, как каждая клеточка его и ее тела исполнилась желанием.

– О, Andre! – прошептала она, сияющая от счастья. – Отпусти, или я сойду с ума. Не надо здесь... на нас смо-трят.

– Всех к черту! – его руки сомкнулись у нее за спиной, и он страстно поцеловал ее губы. – Мне всё равно, понимаешь? Всё равно, кто ты... Будь только рядом со мной. Люблю тебя, слышишь, люблю!

– Конечно, – она снова потянулась к его губам, видя в его блестящих глазах готовность дать ей наслаждение.

– Только обещай! Обещай никогда больше не отправлять меня одну спать. Что у вас за желание, сэр, всё время меня куда-то отправить? – игривым голосом возмутилась она. – А если я не хочу спать одна? Ну, скажем, боюсь?

– Обещаю. А теперь позволь прервать беседу. Обойду посты.

– Не уходи, – она придержала его руку. – Впервые я не чувствую себя одинокой. Кстати, хороший тон, сэр, – это умение скрывать, как много мы думаем о себе и как мало о других. Ты совсем забыл меня... Разве не достаточно их глаз?

Аманда ревниво посмотрела в сторону цепи матросов.

– Нет, нет, какой же я дам пример?

⁴ Древние (расхожее выражение) – имеются в виду древние греки или римляне. (Прим. автора).

– Мало что так раздражает в жизни, как хороший пример, – она грустно вздохнула и опустила глаза.

– Джессика, – Андрей заглянул ей в лицо. Оно выражало лишь оскорбленное самолюбие. – Полно обижаться. Дважды ссориться с тобой в один день – нет, это слишком.

Аманда пожала плечами и сорвала на тонкой зеленой ножке лесной цветок:

– Может быть, ты и прав. Отношение двоих – это всегда иностранный язык, и все мы говорим на нем с акцентом. Делайте свое дело, мистер капитан, не слушайте женщину. Мы просто собственницы... вот и всё.

В ее вздохе были примирительное облегчение и тихая нежность. Из глубины сердца вырвались слова:

– Только помни всегда: я люблю и волнуюсь за тебя. Будь осторожен и знай: что бы с тобой ни случилось, что бы ни уготовила жизнь, я буду любить тебя.

Глава 9

– Ох и жара... что тещина баня, – пожаловался вслух Кустов. – Сколь ждаться-то еще у моря погоды? Однако тесно мне в ём, сукна пожалели, прощелыги!

Боцман с обидой поглядел на тесные рукава своей голландки и покачал головой:

– А мне ведь в ей бой с индеанами держать, Палыч. Дышать тяжело.

– Не дыши, – денщик, не отрывая глаз от молчаливого леса, почесал за ухом. – На кой тебе другая роба? И так ты худой стал, скоро в землю зарывать пора.

– Сам, смотри, на волчьи зубы не напорись, недокормыш, – плохо принимая грубую шутку, проворчал боцман. – У человека, можно сказать, друга, беда... горе, а он, сволочь, чертей ему разноцветных сует. И откуда такие вот слепни берутся, как ты?

– Из тех же ворот, откуда и весь народ. Ладно тебе, Федор, злиться. Пустоговорье одно! У тебя просто природа нонче пребывает в расстройстве. Но не загордись, не у тебя одного. У меня тоже желаний подзахлеб.

– И каких?

– Ну, первое – тебя не слышать, – Палыч прыснул в кулак, – а второе – обойтись без «обнимок» с краснорожими. Это вон Мотыка любит у нас кулаки почесать. Согласен, иногда сие занятие вельми полезным бывает, так всему свое время, куда с моими годами в пляс пускаться? Так ведь, Федя?

– Так-то оно так, да не так. Я хоть и супротив краснокожих зуб имею большой, а, один черт, прощаю их. По дикости своей творят. По душе сказать, жаль мне их. Они же – что наш инородец в Сибири некрещеный. Погоди маленько. Вот пустит наш чиновник корни тут, и ага! Любая тля при малой власти начнет шпынять их да общипывать, что горох при дороге. А для туземца, сам знаешь, все их уловки – нож к горлу. Первым делом начнут их травить водкой да спиртом, пока не утопят. Пей, некрещеная душа, скорее сдохнешь. Эт точно, как часы! Видал я сгоревших от водки тунгусов, жуть... Ну, да будет лясничать, и так мы всю дорогу с тобой «такаем»... – боцман скоро приставил к листовнице ружье и приподнялся, чтоб скинуть пропотевшую узкую голландку, когда услышал короткий, тугой выдох тетивы.

– Федя! Феденька! – беспомощно выкрикнул Палыч, бросаясь поддержать падающего боцмана.

За плечом Кустова топорщилось оперение индейской стрелы.

– Брось меня. наших прикрой... Уходите... – Федор с надрывом кашлянул кровью, до боли сжав плечи Палыча. Его беспокойный глаз налился болью и мукой.

– Погоди, погоди умирать! – сипло дыхнул Палыч. – У нас тут, брат, и не такие компоты случались, да ничего, выгребали. Ишь ты, умник нашелся, умирать вздумал. Ты это брось! Ух, и выиграло же в тебе ретивое! Щас я тебя, Феденька, щас... Ты только не колотись попусту, глупый, смекай...

Боцман умер еще на руках старика. Натуженные пальцы его ослабели, тело разом обмякло, стало тяжелым и опустилось к ногам денщика.

Когда Палыч вышел из столбняка, лес уже трещал яростной пальбой, зелень листвы затягивал голубой туман порохового дыма.

– А ты где был? Все ворон считаешь? – Зубарев обжег Палыча свирепым взглядом.

– Дак ее, подлюю... даже и заметить было невоз- можно.

– Пригнись! – Матвей ударом кулака сбил Палыча с ног. – Ну, суки, опостытели вы мне! Ох, доберусь до вас —душу выну, что и не скрипнет! А ну, держи гостинец, сколь душа подымет!

Медвежатник Зубарева раскатисто рявкнул картечью, отбрасывая показавшихся на опушке шехалисов.

– Пороху мельче сыпь! – прицеливаясь, ревностно крикнул Палыч.

– Ты лучше свою бабу щи научи варить! – Матвей щедро латунной меркой зачерпнул зеленого пороха.– Ну куда зыркаешь, старый? Слева оне, стреляй!

Шехалисы короткими, быстрыми перебежками от дерева к дереву двигались рассыпным строем. Дружные зал-пы русских не срезали их атаки. То тут, то там мелькали мускулистые тела и раскрашенные шлемы-маски, похожие больше на скалящийся кошмар. В ста двадцати шагах от поваленной лесины индейцы остановились, укрывшись за деревьями и камнями. Стрелы, попадавшие в цель, вызывали среди них дикие вопли, напоминающие волчий вой. Однако пересечь разделяющую их поляну индейцы до времени не решались.

– Что-то, видно, замышляют, ироды. Как бы не обо-шли.

– Не без того. Вы уж держитесь, мужики, ежели до рукопашной дойдет,– Зубарев зло звякнул тяжелыми ножами абордажной сабли.– Этим попадись в лапы —рвать начнут, на куски построгают... Где эта сволочь – следопыт? Завел нас и бросил!

– Уймись, Матвей! Нутро у тебя, похоже, пустое, без заповедей Божьих.– Не покидая своего места, вновь вступился за приказчика Соболев.– Тимоха, может, уже голову свою сложил...

– Ладно тебе пустые кружева разводить! – только и отмахнулся сахалинец.– Предупредить мог нас и выстрелом, и криком. Бросил он нас – вот и правда вся. А тут жди... когда тебе кадык зубами выгрызут.

– Тише вы, капитан! – Палыч по обыкновению козырнул подбежавшему барину.– Батюшка, пригнитесь шибче, ради Христа. Убьют, аки Кустова.

– Что с ним? Ранен? – Андрей с тревогой глянул на неподвижное тело.

– Помер, вашескобродие-с. В руки твои, о Господи!

Палыч, не выпуская ружья, перекрестился.

– Какие мысли, капитан? – Зубарев, пересчитывая глазами врагов, точно камень бросил вопрос.

– Надо сделать передислокацию. Сколько их?

– Два десятка на мушке, а вот сколь еще в лесу хоронится, черт его знает. Уходи, капитан. Бери барыньку и уходи, не будь глуп. Мы прикроем.

– Да каким же я буду капитаном,– взорвался Андрей,– ежели брошу вас здесь одних, на гибель?!

– Дельным и умным, вашескобродие,– в тон ему прогудел Зубарев.– О фунте табаку бьюсь – твоя отвага лишит надежды наших мужиков в форте Росс, а народ —правды о том, что кровь мы пролили не зазря. Не глупи, делай, что говорю.

Прислушиваясь к себе, Преображенский ответил не сразу.

– Будь по-твоему,– кивнул он наконец.– Только прежде отобьем атаку хором. Сейчас каждый ствол на счету. А я свинцом тоже сумею счет поправить. Сколько у нас осталось стрелков?

– Дюжина, Андрей Сергеевич, не считая женского полу. Кустов убит, Сбруев ранен, но покуда живцом, малость посекло его стрелами.

– Я тоже умею стрелять.

Все удивленно посмотрели на Джессику. Глаза ее горели решимостью и упрямством.

– Это безумный бред. Ведите себя, как подобает леди,– капитан едва скрыл раздражение.

– Зря вы так. Вам необходим каждый стрелок. Дайте оружие! – она требовательно протянула руку.

– Хотите, чтобы вас убили?

– Мне всё равно.

– А мне нет! – Андрей вспыхнул гневом.– Уходите вместе с моим вестовым к реке, и немедленно! Если ты останешься со мной, ничего не изменится.

– Поэтому и остаюсь. Не тяните время, капитан. Дайте оружие.

– Уходи! – сурово и холодно повторил Андрей.—Это приказ. Сейчас самое время, Джессика, что-то наконец сделать разумное. И уясни, я не фигура для смеха.

– Your granny!⁵ – по-английски выкрикнула она и выхватила один из пистолетов у Чуприна.

От такой дерзости Андрей лишился слова. И будто в ответ на его немой вопрос в глазах индейцы осыпали моряков свинцовым градом.

Первым рухнул раненый Сбруев. За ним Чуприн, даже не вскрикнув, даже не простонав.

– Боюсь, не сдюжим,— прохрипел Зубарев, судорожно трамбуя горох картечи длинным шомполом.

– Страх, брат, возможно... это лучшее наше оружие сейчас,— откликнулся Преображенский.— Он держит в струне.

– Ну, скоро ль они атакой-то грянут? – Чугин насилу подавил нервную дрожь.

– Они скоро не приучены, как дастся... Тоже, поди, не дураки – под пулю лезть. Не бойсь, Кирюшка, мерт-вые сраму не имут.— Соболев близоручко пощурился на опушку поляны, где слышны были выкрики краснокожих.

– Чой оне там лают, дядя? – глаза Чугина со страху, казалось, сделались по кулаку.

– А я, друже, их лешачьего языка, прости, не разумею. Да не дрейфь ты! Говоришь, будто босой ногой воду ледовиту пробуешь. Подтяни штаны и держись. Бой, похоже, лютый будет, Кирюша, только стружки полетят с шерстью пополам. Так что гляди в оба, это тебе не бабу за дойки дергать...

– Вашескобродие-с, Андрей Сергеич,— в пяти шагах от Соболева, не унимаясь, тихо скулил Палыч.— Они же вас, касатика, издырявят, как тот сыр... Я-то кобель старый... со всех сторон нюханий, мне то что, хоть бы и в землю. Послушайте совету Матвея, чай не чужой мужик... Берите свою зазную и сберегитесь, а? Ну-с, пошто молчите, голубь? Ох ты, царица небесная! Ну за что мне тако наказанье? Лихорадка вы о двух ногах, батюшка... Всё бы вам победы побеждать. А смерть-то, она не родная тетка. Вы у меня нежный, батюшка, с дамскими чуйствами... Ой, горе... Что ж я? Коли не сумею прикрыть вас?

– Лучше прикрой свой рот! Надоел! – с жаром вы-дохнул Андрей, и, переводя дух, облизнул губы.— Ну, что ты всё смотришь на меня? Я давно из пеленок вырос.

– Довольно обидны слова ваши... – Палыч тяжело вздохнул и по-стариковски пожевал губами.— Я хоть и стар стал, а барский наказ родителя вашего – «Не угробь дитя» – подо лбом держу. Не протух еще мозгами. Батюшка ваш за мое раденье не мало денегат отслонявил... Да дело не в них! – как от мусора отмахнулся старик.—Не хорошо, сокол вы мой, к добру относитесь. Я ведь вас, батюшка, сызмальства холил, в седле держаться учил, халву с базару в платке носил... и вы кушали...

Денщик, краснея глазами, смахнул слезу.

– Я же люблю вас. Не дай Бог!.. – старик торопливо наложил на себя крест, и в это время лес огласился боевым кличем.

Шехалисы неслись на русских, завывая, взвизгивая, беспрестанно паля из ружей и размахивая палицами. Несчастные беглецы вряд ли остались бы нечувствительными к завываниям дикарей, если бы не ярость и отчаянность самозащиты.

– Во имя Господа Бога, русского народа – огонь! —скомандовал капитан.

Четкий залп моряков смял ряды краснокожих. Мелькая перьями и развевающимися волосами, атака захлебнулась кровью. Индейцы повернули и кинулись обратно под прикрытия сосен, оставляя в яркой траве около десятка убитых. Шехалисы убегали, отстреливаясь, не пытаясь хоть как-то собрать расстроенные ряды.

⁵ your granny! – Черта с два! (англ.).

– Что такой серый стал?! – орал в запале Чугину Соболев.– Давай другое ружье! Бей их, сучьих детей. Ну, опять сопли жуешь али в портки наложил?

– Да я попасть в них не могу! – вздрагивая под отдачей ружья, крикнул Чугин.

– Брось, не сердчай. Пули – девки капризные. Случается, изменяют, стервы.

В бирюзовом небе, вспыхивая и фыркая у земли, чадящими огнями посыпались стрелы. Кое-где порыжевшая хвоя вспыхнула порохом, облизнувшись красными языками пламени...

– Дьявол! – послышался бас Матвея.– Они ж, сволочи, сожгут нас без всякого штурма!

– Куда меня, братцы, куда? Ноги целы, а? – натуженно хрипя, кто-то застонал из матросов за спиной Андрея, но в это время начался новый штурм.

– Всем приготовиться! Стрелять беглым огнем только по моей команде.– Голос Преображенского прокатился над поляной.

Индейцы, прикрываясь обтянутыми китовой кожей щитами, стремительно приближались.

– Не стрелять! – Андрей едва сдерживал своих людей.

Поляна в двести-триста футов шириной никогда еще не казалась ему таким большим расстоянием. Сердце бешено колотилось, однако кроме безграничной ненависти, кипевшей в груди, он сейчас не испытывал ничего.

– Ждать! – снова прокричал он, не отрываясь от приближающегося врага. На какой-то миг мучительное сомнение овладело им: Андрей не знал, выдержат ли его матросы этот несущийся смерч.

Краснокожие были уже совсем близко, когда лиственничный ствол огрызнулся свинцом, окрасившись пороховым дымом. Крики, жуткие стоны и звон сшибаемой стали огласили поляну.

Преображенский стрелял сразу из двух пистолетов. Выстрелы опрокинули бежавшего впереди гиганта, продырявив грудь.

– Палыч! Забирай Джессику и уходи! – истерично заорал Андрей, выхватывая шпагу.– Остальные за мной!

Клинок капитана, как ключ в скважину, вошел в узкую смотровую щель шлема. Послышался хруст кости, и краснокожий, хватаясь за лицо, упал.

– Вали их, братцы! – глас Зубарева мощно прокатился над головами сцепившихся. Его огромный, на длинной рукояти топор был красным от дымящейся крови. Могучая грудь вздымалась, глаза сверкали безумием. Слепленный яростью и болью разодранного копьем плеча, он позабыл обо всем на свете, кроме темного голоса крови, который разбудил в нем дикого зверя.

Палыч, разрядив свой карабин, едва увернулся от брошенного в него дротика. Сзади раздался крик. Емельян Зернов, матрос из артиллерийской прислуги, визжал, как пес, получивший удар хлыстом, и неуклюже полз под прикрытие лиственницы; его бедро было насквозь дырявлено медным наконечником. Двое шехалисов напрыгнули на него и еще с живого срезали скальп. Несчастный пытался дотянуться до ножа, но один из диких, заметив это, перехватил его запястье и резко вывернул. Затем ударом томагавка отсек кисть и, прихватив ее как трофей, бросился в гущу боя.

Аманда – свидетель этой зверской сцены – лишилась чувств, упав на руки подбежавшему Палычу.

– Что с ею? – сквозь рев боя крикнул Соболев. Его окровавленные, дрожащие от напряжения пальцы пытались загнать пулю в ствол штуцера.

– Чего орешь?! Глаз, чо ли, нет?!

– Неуж убили?!

– Да нет! Они, бабы, любят делать, будто как без чуйств. Падают с закрытыми глазами.

* * *

Боевая палица, увенчанная каменным шаром, вдребезги разлетелась, встретившись с топором Матвея. Сахалинец ткнул обухом в грудь нападающего индейца, но тут же получил по спине древком копья и пошатнулся. Кто-то тяжелый прыгнул на него сверху. Тут же набросились еще двое, вырвали топор, сбили его с ног, еще размахивающего, как мельница, кулаками. Однако природа Матвея была столь могучей, что даже раненный в двух местах, со слипшимися от хлещущей крови волосами, опрокинутый на землю, он не сдавался. Ухватив обеими руками за горло врага, он без труда оторвал его от своей груди и как утке свернул голову. Лицо краснокожего посинело и тут же хрустнули позвонки.

Тяжело поднявшись, Зубарев огляделся: кругом мелькали топоры, сабли, в воздухе носились стрелы. Матвей по-медвежьки тряхнул головой, барабанные перепонки ныли, в костях пульсировала гудящая басовая нота, но кровь звенела, требуя новой крови... Споткнувшись о распростертый труп, он поднял с земли топор, когда взгляд его приковал столб дыма, поднимающийся над лесом.

– Что за черт, – против воли вырвалось из груди. Густой столб дыма внезапно исчез, затем вдруг с новой силой объявился и тут же снова пропал. Из чащи донесся напряженный рокот тамтама. Заслышав его, шехалисы замерли, а затем, подхватывая своих раненых соплеменников и что-то крича друг другу, спешно отступили.

– Мать честная! Глянь, братцы, кажись, сила небесная поднимается над землей.

Соболев, привлекая всеобщее внимание, указал ружьем на клубящийся дым.

– Уходим! Все к реке!

Приказ капитана заставил людей вернуться к действительности.

Теперь их оставалось семеро, все остальные были мерт-вы. Обезумевшие от страданий и страха, они из последних сил пробивались на Юг, не смея даже подумать об отдыхе.

Глава 10

– Тише, тише. Не бойся, я держу тебя, – над ухом Аманды прозвучал голос Андрея. – Ну, прыгай же на камень. Вот так.

Капитан подхватил ее за талию, помогая перебраться через глубокий овраг.

– Прости, я так неуклюжа...

– Я этого не заметил. Вы редкая женщина, Джессика, и я горд, что любим вами. Осторожнее, дайте руку.

Они миновали каменную россыпь, вспугнув юркое семейство полосатых бурундуков.

– А вы смело себя вели, – она ободряюще улыбнулась, подбирая юбку. – Ты делаешь честь войне.

– С тобой это не трудно, – выдирая ноги из цепкой грязи, ответил он. – А ежели серьезно... – он на секунду повернул к ней бледное лицо с глубоко запавшими глазами, – непростительная цена за всё это. Пиррова победа...

– Andre, – Аманда понизила голос. – Ты видел? Я... я убила одного из них... Понимаешь, убила человека.

– Вы поражаете любую цель, мисс.

– Мне не до шуток, Andre!

– Мне тоже. Вряд ли этот дикарь задавался подобным вопросом.

– Я так испугалась...

– Давай, я помогу тебе, – Андрей протянул руку.

– Да оставьте вы меня в покое, наконец!

– Как знаешь, – залитое потом лицо капитана выразило раздражение.

– Нет, нет, погоди! Дай руку... Прости, это просто нервы.

Она поравнялась с ним и, напряженно поглядывая на молчаливые заросли, сказала:

– Знаешь, холод вечности сегодня как никогда похолодил мое сердце. Я боюсь... Я не хочу умирать... Я хочу жить. Ведь мы так молоды... Помогите выбраться мне от-сюда.

– А что мы, по-твоему, делаем? Не отставай.

Капитан снова двинулся широким шагом, но вновь остановился, потому что Аманда не тронулась с места.

– Ну, что еще?

Она ничего не ответила, стоя с опущенной головой. Капли пота падали с ее подбородка на камни, уже почти окончательно содравшие золотую вышивку с ее туфель.

– Пассажир должен знать день своего отъезда, Andre, чтобы успеть собрать свой багаж. Поэтому скажи честно: сколько нам осталось жить. Нас всех убьют? Да?!

– Хватит истерик! Хватит! Неужели ты так жаждешь быть обманутой? – теряя терпение, вспыхнул Андрей. – Мы будем жить, слышишь? Мы обязаны выжить! Иначе ради чего все эти муки и кровь! Чего тогда стоит наша любовь? Или всё это бред?

– Нет, нет! Ты прав... – ее прекрасные глаза были полны слез, когда она прижалась к нему.

– А раз так, – смягчая тон, откликнулся он, – надеюсь, ты сделаешь всё возможное и невозможное тоже. Это ведь в наших интересах, не так ли?

* * *

Еще около двух часов они без усталости уходили от проклятого места. Теперь никто не думал разводиться костры; жевали лишь сорванные на ходу дикие ягоды и бежали от любой более явственной тропы, ибо встреча с человеком означала гибель. Лес снова притих, нагоняя студеный страх. Охваченные тисками паники, беглецы непрерывно стреляли глазами из стороны в сторону. Временами они слышали то впереди, то сзади какие-то подозрительные звуки, но не

могли определить расстояние до них. Непролазные колючие заросли кустарника в конце концов вынудили их вый-ти к побережью. Земля здесь была болотистой, воздух наполнен запахом влажной гнили хвои, и при дыхании оставалось ощущение скапливающейся во рту слизи.

– Сыро-то как,– со вздохом прохрипел Палыч, с опаской поглядывая на огромное, медленно темнеющее небо и, продолжая брести за Соболевым, посетовал: – Вот и ребяташек наших не успели земле предать... Расклюют их вороны, растащит зверье...

– Ладно те,– хмуро обрезал Ляксандрыч.– Больше не надо солу – оплакали их уже. Лучше грей душу мыслью: что может краше быть бегов? Когда уходишь от травли —ни о чем другом не думаешь. Ты, похоже, забыл, старый, что лямки горб твой натерли?

– Ну, спасибо тебе, сват, на добром слове,– Палыч сплюнул в дымчатую от гнуса траву, обиженно выдирая из слякоти завязший сапог.

– Старая дружба не ржавеет,– в тот же миг подал голос Соболев и протянул жилистую руку денщику.

– Ослаб я, братец... Моченьки моей нет... – по-рыбьи хватая воздух, выдавил Палыч.– Стар я супротив вас, голенастых...

– Ну, ну! Еще брехни, что, мол, стоишь пред нами весь мокрый... усавшись от страху... Да ты прежде мор-ской! Так – нет? Ты еще нас всех переживешь, дед. А ну, давай пособилю.

Соболев, приставив ружье к дереву, помог Палычу сладить перекрутившиеся вьюном лямки.

– Эх, Ляксандрыч,– денщик размазал по щеке комара и покачал головой.– Взял бы я тебя, ситный свет, за один край, да и поджег бы с одного конца до другого... вместе со всеми твоими «подсобками». Злобушка и ехидство – вот твой капитал, а на сие кукишь портки справишь.

– Ну ты и репей,– Соболев подхватил шомполку.– К нему с добром, а он с кулаком. Да у тебя что ни человек – то вор иль злыдень. Я ж, если и колю тебя словцом, так то от любви, поддержать чтобы...

Сырой мох зажулькал под сапогами Соболева, когда по цепочке прошелся ропот.

– Осадите, братцы, неладно тут!

Зубарев с капитаном, идущие впереди, подали пример —залегли у камней, выставив ружья.

Аманда – ни жива ни мертва – впилась взглядом в сумеречье, почувствовав, как кожа на лице натянулась от страха. Солнечный свет редкими нитями проходил между сплетениями ветвей, золотя замеревшую листву.

– Джессика,– едва уловимым шепотом окликнул капитан и поманил ее рукой.

– Что там? – Аманда, прижимаясь к земле, придвинулась ближе.

– Не знаю,– так же тихо ответил Андрей и, видя подрагивающие уголки губ и стеклянные от переживаний глаза любимой, понимая, каково ей сейчас, мягко добавил: —Думаю, ничего особенного. Возможно, какой-то зверь... А теперь слушайте,– его губы почти касались ее уха: – Я хочу, чтобы вы остались здесь... с моим вестовым и тремя матросами. Я с Зубаревым...

– Нет! – горячо возразила она, но Андрей тут же прижал палец к ее губам.

– Нет! – тише повторила Аманда.– Со мной всё в порядке. Я пойду только с тобой. Не оставляй меня. Ку- да ты?

– Замолчи,– Андрей сжал ее руку.– Если я сказал, так и будет. Я не обязан докладывать тебе о каждом своем шаге. Выслушай! – он приблизил свое лицо.– Если это индейцы, мы отвлечем их. Обещаю: всё будет хорошо. Твой пистолет заряжен?

Она судорожно кивнула, хватая взглядом его лицо.

Преображенский решительно повернулся к Зубареву, когда до слуха беглецов долетела родная речь:

– Не свалайте дурака, капитан. Это я – Тимофей Тараканов.

Матросы заворожено вглядывались в зашевелившиеся кроны соснового молодняка, пока не узрели рослую фигуру приказчика.

– Вы арестованы, господин Тараканов! Сдайте оружие.– Андрей, багровея лицом, поднялся из укрытия.

– Дорого, да мило благодарность раздаешь, господин капитан. А ну, придержите прыть! – зверобой одной рукой легко, будто пистолет, вскинул свою грозную тульчанку.—Что, покоробил душу вашу господскую? Последнее время я редко поднимаю ствол, но ежели тако случается —берегись, вашескобродие,— остается память.– Мрачно ухмыляясь, приказчик остро следил за действиями моряков.

Наступило молчание. Влажный, теплый ветер дул со стороны океана. В бесконечной тишине слышался лишь далекий рокочущий голос могучей реки.

Тараканов хладнокровно еще раз пересчитал оставшихся в живых моряков. Аманда вздрогнула и напряглась, встретив его странный, загадочный взгляд, точно отблеск солнца на льду.

– Да, немного осталось... А с другими... кого нет, всё в порядке?

– Нет, не всё. Их убили! И убили по твоей милости! Где ты был, сволочь? – Андрей, теряя осторожность, резко подошел к приказчику.– Почему ты умышленно втянул нас в бойню?

– Была бы нужда... Все давно бы кормили червей.

– Как сказал! Как сказал, смерд! Врет он всё! Ваше скобродие,– Палыч, сбросив тяжелый ранец, схватился за пистолет.– Да он такой же лгун и заворуй, как и весь их береговой брат.

– Лгун – возможно... да и вор, может быть,– обо-рвал старика приказчик. В омуте его зрачков вспыхнули странные алые искры.– Но не такой, как все. Мозгов побольше! Ежели б не я...

– Вздернуть его! – под кованым каблуком Матвея глухо, как кость, хрустнула валежина.

– Стойте! – Преображенский властно поднял руку.—Я дарю тебе жизнь, Тимофей, если ты сумеешь нам доказать свою правду, и убери ружье! Слово офицера, без моего приказа никто не тронет тебя.

– Нельзя подарить то, что тебе уже принадлежит.—Тараканов с вызовом потрянул длинными прядями.– Я рожден свободным. А новорусская земляца барского батога не знает.

– Я требую ответа! – с жестким спокойствием повторил Преображенский.– Где ты был? Из-за тебя погибли люди! И если бы не провидение, пославшее нам дым...

– Дым, говорите?

На этот раз в голосе зверобоя Аманда уловила оттенок какой-то тягучести. По тону вопроса было ясно, что Тимофей хорошо знал наперед ответ капитана.

– Ты тоже видел его?

– Лучше, чем вы,– Тараканов на индейский манер точным движением бросил тульчанку на стиб локтя.– Потому что разводил его... я. Вижу, дивует вас это?

Андрей Сергеевич с недоверием посмотрел в глаза проводника. Они мало походили на обычные человеческие: то были два темных пятна, в которых ничего не отражалось и которые всё же таили в себе что-то звериное, дикое.

«У него наверняка есть прошлое, кое он скрывает от нас,– подумал Андрей и тут же ответил себе: – Пожалуй, как и у всякого, кто живет в этих местах... Вот только бы еще знать, какое...»

– Неужто и на сей раз поверите его трепотне, господин капитан? – не спуская глаз с приказчика, сипло обронил Зубарев.– Ни даже вам не пожелаю сего... Черен он душой, прикажите убить.

Слова, сказанные помощником штурмана, прозвучали тихо, больше похожие на свистящее дыхание, но для Тимофея этого было довольно. С мягкостью рыси он отскочил в сторону ельника и снова вскинул ружье.

– Ладно, святоши, сами блюдите чистоту! Лишние догадки невпопад живут, капитан. Как говорят у нас в Ситке: хочешь потерять время – почеси язык. Ежли так, оставайтесь здесь. Я ухожу. А дальше дело диких. Там, у лесины... был малый отряд...

– Ты гляди, как он врет красно! – на мгновение серые глаза Матвея впились в приказчика, но тотчас же скакнули на капитана, точно ища поддержки.– Послушать его, так и впрямь безобидина Божья... Я аж готов поверить...

– Не ради тебя стараюсь,– приглушенным голосом процедил зверобой.– Уходить надо. У нас еще есть надежда добраться до форта, если в пучке будем держаться.

– Он же, собака, предал нас! – взорвался Зубарев. Лицо его варварски налилось кровью.– Под ножи пустил! А мы все тут с ним из блохи голенища кроим.

– Значит, дым ты развел? – не обращая внимания на ярь сахалинца, уточнил капитан.

– А то кто же! Без условного знаку хрен бы они отступили!

От Преображенского не ускользнуло особое напряжение горячих глаз приказчика, наблюдавшего за действиями моряков. «Пока это всё только игра словами,– мельк-нуло в голове.– Но ведь истина! Дикие оставили нас, хотя сил им было не занимать. У этого Ютопленника”, похоже, голова с тремя языками. Всех понимает: и нашего брата, и краснокожих, и зверя». Капитан посмотрел на толпившихся за его спиной.

– Не гневись, Матвей... Помни: не на лицо гляди, а на обычай. Если б не он, лежать нам всем в земле...

– Вы не казались мне дураком,– мрачно прервал его сахалинец, и голос его загудел еще тише, урезонивающе и холоднее. Какая-то особенная сила и уверенность скрывались в нем, от которых Андрею сделалось не по себе.

Глава 11

Янтарный свет угасавшего дня сменился красноватыми сумерками. Легкий бриз с океана, казалось, догонял проплывавшие в вышине розовые облака. Никаких признаков индейцев не было видно, и в душах измотанных беглецов робко пробилась ростки надежды, что враги отказались, наконец, от преследования. Желая окончательно увериться в сем, капитан вместе с Таракановым поднялись на высокую скалу.

Достигнув вершины, они увидели совсем рядом могучую Колумбию. Величаво изгибаясь среди фиолетовых гор, она широко и щедро отдавала свои пенные воды пустынному безбрежию океана.

У Андрея захватило дух: высокое небо пугало своей замутившейся синевой. Всю ширь его пронизывали тонкие кроваво-красные жилки – такое оно было багровое, обо-жженное, с металлическими отсветами и переливами. Огромное, похожее на пылающее каретное колесо солнце медленно погружалось в океан, окрашивая горизонт глубокими красками рубина.

Давила сердце и тишина – немая и душная, как будто задумался безысходно кто-то большой, опустив глаза, растеряв в горе слова и мысли.

– Как будто тихо всё, – раздувая ноздри и хватая взглядом каждую мелочь, неуверенно выдохнул Тимофей.

– Я что-то форта не вижу, – оглаживая подзорной трубой противоположный берег, медленно произнес капитан.

– Да где-то там должен быть. Верьте мне, ваше благородие. Уж сколь времени не был тут... Не иголка, отыщем.

– Думай, Тимофей, – Преображенский пристально посмотрел в глаза приказчика. – В другой раз мне их не удержать.

Тараканов упрямо молчал, глядя на острые верхушки елей, что поблескивали в красноватых лучах заката, а потом сказал:

– Не подведу. Я уже дважды... ваш должник.

И когда они подходили к лагерю, тихо добавил:

– Похоже, я лишнего смел говорить прежде. Зубы скалил... забудьте. Но одно зарубите в памяти, – приказчик престранно поглядел из-под бровей на капитана: – Я хочу, чтобы вы огляд имели строжий.

– В чем? – Андрей напряженно воззрился на проводника.

– Во всем. Упырь среди нас...

* * *

Пока ожидали возвращения капитана с приказчиком, Чугин, притулившись к сосне, ловил минуты отдыха; мысленно молился за родных, за товарищей, за себя... Уставшему и запуганному, ему вспоминался теплый огонь его дома, названия соседних деревень, которые какой-то щемящей, особенной, русской болью входили в его душу: Алпатьево, Троицкое, Большая Речка, Порохин Яр, Барсучий Лог, Васильково... Вспомнилась радость рыбалки с тятьей, когда в сырой мотне невода, пахнувшего тиною и лилиями, приплясывало жирное золото и серебро карасей; припомнился и ночлег на лугу, россыпи звезд, приятели, «молотившие» пужливые байки, и сладкая дрема, что крадется к тебе под овчину вместе с дымком костра... Вспомнился и пьянящий дух молодого сена, молока, душный запах подгоревших на печи семечек и легкие облака сквозь прохуdivшуюся крышу сеновала...

И сейчас, обнимая, как любимую дружку, ружье, он с пронзительной силой ощутил тоску по родной стороне... В закопченных, чумазных котлах, где варилась крупа или ставился чай, тоже сновали оброненные сосновые иголки, но это были не те, не родные, что стали теперь дороги сердцу... Кирюшка смахнул кулаком набежавшие слезы. Скучные черные избы, где

бабы в понёвах прядут и поют бесконечную песню, похожую на стон, казались ему отныне заветным раем, дороже коего у него нет на всем белом свете.

– Ты чего опять горюешь? – Соболев своим вопросом, точно камнем, разбил тихую гладь нахлынувших воспоминаний. – Ты, Чугин, небось еще был в пеленках, а лень-то уж была с теленка. Накось, держи фляжки. Ну, пошто зад не отрываешь? Служись. Как жрать, так губа ковшом. Айда за водой.

– Уж, чо ли, кончилась? – матрос недовольно поднялся и, забросив широкие ремни двух фляг на плечи, уныло поплелся следом.

Смеркалось. Воздух, пропитанный дыханием океана, сделался влажным. Чугин едва поспевал за аршинным шагом Соболева. Обойдя поляну лесом, они держались звериной тропы, что петляла между деревьями, тянулась к реке. Скверно и беспокойно было на душе. Древняя тропа, по всему брошенная и забытая зверьем, уже давно превратилась в едва приметную стежку. Росистые заросли с узкими листьями тускло мерцали сталистой зеленью; с них падали прозрачные капли и, казалось, они плачут. Ближе к воде чаще начали попадаться мрачные чернотвольные деревья, сплошь поросшие мхом, опутанные паутиной. Погода, как на грех, стала портиться: низкие, полные дождевой хляби тучи ползли им навстречу, кое-где из них тянулись свинцовые косынки дождя. Ни одной пичуги не встретилось им на пути, а это была плохая примета: ночью должен был зарядить затяжной дождь.

– Ляксандрыч, – Чугин, придерживая гремливые фляжки, нагнал Соболева и, скрывая внутреннюю тревогу, озадачил болтовней: – Верно, однако, судачут, что когда шибко влюблены, то непременно стреляются. Наш-то... готов был... с Гергаловым, царство ему небесное... Как думаешь...

– Отстань, – Соболев задрал бороду, приглядываясь к налипавшим тучам. – Соплив еще о его скобродии судить. Ускорь шаг. До дождя бы поспеть.

– А все же жаль фрегат, – покорно сменяя тему, бросил на заправку матрос.

– Дом всегда жаль, чай, не пустое место.

– А я любил у Тихона на камбузе подремкать, когда в «свободе» наша вахта была.

– А эт отчего? – не сбавляя шага, буркнул марсовый.

– А там запах был скуснее, как дома, – алая ушами, открылся Чугин. – Закроешь глаза, и блазнится, будто матонька у печи ухватом гремлит...

Соболев придержался на миг, по-отцовски полохматил голову Кирюшки, прижал к груди и вздохнул:

– Ну чо тут возразишь? Верно думаешь...

– Вот я и думаю, – заглядывая в глаза Соболеву, вспыхнул Чугин. – Не хочу я помирать! А ведь чую, во сне виделось, бытто с ангелом говорил... Сгинем мы все...

Вдали над океаном блеснула несмелая весенняя молния. Горы затянула сумерь, хмурая и холодная, что мурашки поползли по коже.

– Уж лучше бы я в Охотске сбежал да прибился бы где, – тихо обмолвился Кирюшка. – Руки-то есть...

– А головы, выходит, нету! Идем, глупеня! – острожился Соболев. – Я-ть тебе закажу бега. Вот доберемся до наших, напомни мне твой разговор. Я тебе поземный по-клон устрою, сесть не сможешь! Ты прежде о долге и товарищах должен думать, а уж потом о себе. Гляди, девица нашлась. Да! Счастье наше морячье, что вода в брезне: тянешь – полно, вытянул – пшик. Ну, так что с того? Чего ты о жизни знаешь?

– Знаю! – шея Чугина стала темной, что свекла.

– Ты знаешь столько, сколь я позабыл. Жить ему не хотца! Да ты должен Христу челом бить, что он тебе глаза на мир дал раскрыть. Бог что послал человеку – то и мяконько. Служба, брат, карактера требует. А кто в нужде не мыкался, тот и счастья не распознает. С такими ветрами в башке не дай Бог... Еще один бой, и перва пуля твоя.

– Да они ж обложили нас, как борзятники того русака, и гонят по дикой земле... А до наших, поди, еще два лаптя по карте!

– Да хоть бы и три! Ну, чего ты на меня так глаза лупишь? На мне узоров нет. Ты б лучше портки залатал, ходишь, аки Адам в раю, срамом сверкаешь, вот капитан увидит... Ладно, пошли, вон уж и реку видать. Нет, погоди,— Соболев вдруг подмигнул Кирюшке и, всучивая свои котелки, усмехнулся: – Знаешь, поди, где моряк добро хранит?

– Вестимо где... в портках,— помня матросскую прибаутку, кивнул Чугин.

– Ну так погоду малость... Или иди... я быстро, нагоню тебя.

Тонко поскрипывая дужками котелков, Чугин неохотно побрел по тропе. Он обогнул схваченные лишайником зеленопегие валуны и отошел уже саженой на тридцать, как вдруг позади что-то сухо треснуло. Матрос судорожно обернулся, Ляксандрыча не было. Ладони враз посырели, поджилки затряслись, что осиновый лист.

«Матушки-батюшки! – он готов был закричать благим матом; в мозгу стыло пальнула мысль: – Сейчас кончат меня». Надо было стрелять на звук или просто бежать — всё было бы умнее, но Чугин стоял снопом, напрочь подавленный. И когда из-за деревьев показалась родная фигура Ляксандрыча, слезы потекли по его щекам и только теперь стало понятно, что жалобно подвывал не кто иной, как он сам... И тут его взял безумный стыд.

– Отчего здесь... камни и люди... похожи на привиденья, дядя? – Чугин, скрывая свой страх, оградился вопросом.

– А что тут думать,— Соболев забрал котелки,— коли сей берег мертвецов. У этой реки, приказчик сказывал, дна нет. Кто знает, может, она начало берет... из пасти самого черта.

Ляксандрыч понизил голос до шепота и с сырой хрипотцой обронил:

– Здесь, поди, каждую ночь голоса утопленников слышны.— Перекрестился и, толкнув Кирюшку в плечо, буркнул: – А ну не трись у ног! Пошли!

Часть 2 Оборотень

Глава 1

Пришедший вечер был прекрасен. Легкий бриз раскачивал тростник, и его гибкие стреловидные стебли танцевали свой древний танец. Небосвод взялся необычайной предзакатной чистотой, и единственными звуками, раздающимися в звенящей тишине уходящего дня, были баюкающий говор океанской глади да редкое шуршание кролика или береговой выдры, вспугнутых дымом костра. Этот вечер, казалось, был создан для наслаждения и радости, но в сердце Чокто не было этих чувств. Душа его ожесточилась от долгих дней, проведенных в томительном бездействии, омраченная воспоминаниями неудачного штурма Большой Лодки белых людей. Треть лучших воинов его племени ушла в Страну Вечной Охоты, да и его собственная рана затягивалась плохо.

Теперь он как никогда ненавидел белых за то, что они приплыли к его родному берегу, за то, что они убили многих из его людей и вообще за то, что земля родила их. Он ненавидел и Великий Дух за его равнодушие к шехалисам. Мать Касатка, прародительница рода, тоже отвернулась от Людей Берега, вконец разбив его сердце. Цимшиан сказал ему, что Большая Лодка погибла, поднявшись огненным облаком к небу, поведал и о бежавших людях, среди которых воины видели Белую Птицу... Знал Чокто и о приезде Водяной Крысы, и о его предложениях... Но всего этого ему было мало.

– Создатель, почему ты продолжаешь причинять мне боль? – спрашивал он Великого Духа. – Почему, почему ты сделал белые лица сильнее нас? Разве не мы твои любимые, лучшие дети?

Чокто вспомнил растерзанного серым медведем отца, его тускнеющий взгляд и меж почерневших губ алые от крови зубы... и челюсти молодого вождя заныли от усилия. «Если бы отец был рядом со мной, мы одержали бы победу...» Чокто в отчаянии сжал кулаки и откинулся на мягкие шкуры. Глядя на темнеющую кровь неба, он представил грядущий бой с белыми... Там, над полем битвы, дерущие резали ухо крик ворона и треск черных крыльев стервятников, гремели выстрелы и победные кличи его воинов... «Месть – это брошенное копье. Оно мчится, как ветер, и невозможно остановить его полет», – вновь вспомнились слова отца. Широкий, упрямый рот Чокто изогнула улыбка. «Я отомщу, и Белая Птица будет готовить мясо у моего очага».

Постепенно его голова стала остывать. Но горечь и злость не проходили. Эти два чувства превратились во что-то холодное и твердое, как лед на реке в Месяц Лыж.

Лежа на брошенных в траву волчьих шкурах, он вспомнил, как искусные руки шамана при помощи ножа извлекали из его груди большую пулю. Свинец в его плоти прорвал дыру величиной с голубиное яйцо, оставив на коже, подобно татуировке, синее пятно. Но это обстоятельство только радовало вождя. Чокто гордился новым шрамом, окрасив его бурой охрой, но еще более он радовался вырезанной из его груди пуле. Теперь он хранил ее для нового боя, и предназначалась она для главного вождя с Большой Лодки.

Семь лун он провел в бараборе Цимшиана, семь лун пальцы жреца смазывали его разверстую рану бобровым жиром, смешанным с целебными травами. Первые три дня Чокто находился между жизнью и смертью. Но на четвертый его слух уловил глухой рокот бубна и гортанное пение жреца; и лишь тогда знахарь вышел к настороженным глашатаям и убежденно заявил, что духи смилостивились к шехалисам. Но несмотря на это, последующие дни протекали как предыдущие. Состояние Чокто практически не менялось. Шаман часами просиживал возле него, говоря с духами и ожидая, не захочет ли Чокто что-нибудь сказать ему... В

те ненастные ночи над лагерем висел рогатый месяц, роняя свои бледные лучи на восковое лицо вождя, утратившее отпечаток всяких страстей. Временами пересохшие губы шевелились и Чокто пробовал что-то сказать. Цимшиан и его жены-старухи молча смачивали его рот или подносили настой отвара, если на то был сделан знак сурового старика. Бормоча какие-то бессвязные обрывки слов, вождь жадно пил и снова впадал в забытьё и подол-гу лежал совершенно тихо, пугая могильным молчанием притихших скво. Однако шаман, читающий заклинания и перебирающий священные связки, был спокоен. Состояние больного больше походило на сон, чем на предсмертное беспмятство. Минул еще день, когда Чокто, несмотря на невыносимые страдания, без помощи старика приподнялся на шкурах и даже попробовал сам взять в руки протянутый черепаховый панцирь с мясным бульоном. Но после того, как посудина опустела, он застонал и вновь упал на заботливые руки старух. Крупные капли пота выступили на его бесстрастном медном лице. И вновь его уложили, и вновь гремел барабан и грустно звучала глиняная свистушка, прежде чем молитвы жреца привели его в чувство.

Теперь в стойбище люди были окончательно уверены, что сын Касатки не покинет племя. Могучее здоровье и непреклонная воля Чокто чувствовались даже в его ше-поте.

– Наши воины всегда с великой честью принимали смерть, – прохрипел он, глядя в морщинистое, как печеное яблоко, лицо Цимшиана. – Они смеялись в лица врагов и пели песни... Зачем ты сохранил мне жизнь, старик? Убей меня. Я не собака, которой дарят жизнь.

– Тебе ее подарили духи, – раздался в ответ кашель. – Ты должен отомстить за кровь своего народа. Когда ты поднимешься и выйдешь на тропу войны, пусть будет легок твой путь, сынок, пусть сумки твоих воинов будут всегда полны пороха, свинца и мяса... и пусть не отсыреет наш трут.

Чокто, блеснув черными, как сырой агат, глазами, хотел было что-то сказать, но лекарь остановил его категоричным жестом.

– Молчи. Умные слушают стариков, дураки говорят. Не торопись, сын мой. Пока месяц не будет круглым, его нельзя назвать луной. Потерпи еще несколько дней, пока затянется рана. Нашим врагам не уйти далеко... Они идут пешком на Юг, и быстрые баты шехалисов нагонят их, как стрелы оленя. Они еще будут стоять у столба нашей прародительницы, прежде чем мы принесем их в жертву Матери Касатке.

Шаман замолчал, стараясь подобрать нужные слова. Он не любил торопиться, но и не хотел быть прерванным. Неожиданно он поднял свои выцветшие глаза на Чокто и участливо улыбнулся:

– Она с ними... Белая Птица еще войдет в твой дом и разделит ложе с сыном Касатки. Ведь ты не можешь забыть ее?

– Скорее я забуду как дышать, – вождь крепче сцепил пальцы.

Прошло несколько минут, во время которых знахарь набил трубку и, осветив ее дымом, протянул Чокто. За-тянувшись горьковатым кепик-кепик⁶, вождь медленно начал:

– Этой ночью мне было видение: отец пришел и сказал мне: «Мстить за свою кровь – это всё равно что связывать гнилую тетиву. Ты должен бороться с белыми лицами потому, что они не правы с нами... и никогда не ставь свой тотем на их говорящей бумаге, как это сделали племена на севере». А еще он сказал, что лучше умереть от пули белого, чем от его сапога.

И снова в темной бараборе жреца наступило молчание. Теперь Цимшиан держал в руках резную трубку; затягиваясь глубоко пахучим дымом, он не спеша выпускал его сквозь сжатые темные губы, наслаждаясь и смакуя. Сосредоточенный взгляд его не отрывался от острого лепестка пламени запаленного жирника – каменной площадки, наполненной расплавленным тюленьим салом. В черных глазах его отражалось пламя, но Чокто казалось, что в них отра-

⁶ Кепик-кепик – индейский суррогат табака из коры красной ивы. Был распространен на севере Западного побережья Америки. (Прим. автора).

жался и плеск прибрежной воды, хлопанье орлиных крыльев, рев гризли, нежное воркование диких скальных голубей и синий дымок родных стойбищ.

Шаман, проведя ссохшейся ладонью по своим длинным седым прядям, вновь затянулся и, путив дым под потолок, оживил разговор:

– Хочешь, я скажу тебе печальную правду, которую мне поведали духи?.. Я не скажу тебе много, но мои слова будут горьки тебе, сынок, как отвар полыни или осинового коры.

Чокто не ответил, откинувшись к стене, затянутой оленьими шкурами. В глазах его была упорная и тяжелая мысль. За дальним медвежьим пологом робко и редко перешептывались жены старика, трещал разгоревшийся фитиль, пуская к верхней вытяжке черную витую струю копоти. Знахарь поправил костяной палочкой огонь и неожиданно продолжил:

– Твое видение совпадает с моим. Не пройдет и два-дцать зим, как множество белых придут в нашу страну. Я слышу их поступь, она подобна далеким раскатам грома.

По спине Чокто пробежал холодок. Его широкие плечи передернулись. Глаза потемнели, а тонкие ноздри непроизвольно затрепетали от гнева.

– Успокойся,– жрец протянул ему заново набитую табаком трубку.– Твое ухо пока не услышит их шаг... Но как говорили отцы наших отцов: «Время не стоит на месте, и ты, хочешь того или нет, движешься вместе с ним... даже если это не приносит тебе счастья». Да, такое бывает. Мне понравились слова, сказанные твоим отцом. Ты знаешь, Две Луны был моим другом...

– Да,– кивая головой, согласился Чокто,– но сейчас меня интересует, что будет с моим народом. Среди волков олени не живут... Наши люди не смогут жить с белыми лицами.

– Если ты держишь кохуатль⁷ за хвост, разбей ей голову, пока она тебя не укусила.

– Я убью их всех.– Чокто угрюмо завернул в красный кожаный лоскут искуренную трубку и опять надолго замолчал.

В горах за стенами бараборы гулко грянуло грозное небо. Одна из старух, нянчившая внука жреца и заснувшая сидя с ребенком на руках, проснулась и начала укачивать его, напевая тихим грудным голосом.

– А что скажешь делать с Водяной Крысой? – глаза вождя сузились, превратившись в два ножевых пореза.

Жрец не торопился с ответом, прислушиваясь к вечернему лаю и тьяканию собак лагеря, настойчиво требовавших кормежки. Затем протянул руку и снял со стены сыромятный короб, увешанный речными камешками и птичьими перьями. Молча раскрыв его и предварительно прошамкав молитву, он вытащил из него какой-то предмет, завернутый в кунью шкуру, и так же молча протянул Чокто.

Когда пышный мех был снят, лицо воина напряглось, тень суеверного трепета залегла в наметившихся морщинах. В его руках лежал священный амулет Цимшиана —ожерелье из десяти человеческих пальцев.

– Ты видишь,– раздался надтреснутый голос старика,– они принадлежали белому торговцу с Юга, потомку тех, кто пришел в страну танаина и корзинщиков⁸ еще много зим назад... Я был тогда ребенком... и наш народ кочевал у реки Четырех Столбов. Этот торговец продавал нам железные ножи, голубой бисер и одеяла... Но вместе с этим он привез шехалисам и корявую болезнь, от которой воинов погибло больше, чем при битве за крылатую лодку белых... – с горькой ненавистью прошипел шаман.– Ты знаешь стариков, которые выжили... Кожа на их лицах точно обуглена порохом, много кривых и слепых... А сколько лучших девушек они забирали с собой...

⁷ Кохуатль – гремучая змея (индейск.) – Из Словаря-разговорника колошей, шехалисов.– «Русская Америка».– М.: Мысль, 1994.

⁸ Танаина, корзинщики – индейские племена Верхней Калифорнии. (Прим. автора).

Знахарь замолчал, принявшись чесать искусанную гнусом лодыжку. Крупные желтые зерна бус закачались на его впалой груди.

– Что же было потом? – Чокто придвинулся ближе, продолжая пристально рассматривать амулет. На одном из почерневших пальцев тускло поблескивало прошитое жилой массивное золотое кольцо.

– Потом мы убили этих белых с Юга, а я отрезал главному торговцу пальцы на обеих руках, чтобы в следующей жизни он не привозил шехалисам болезни...

– Мы проиграли бой потому, что Водяная Крыса предал нас! – дико и яростно вырвалось из груди Чокто. С мягкостью и быстротой рыси он спрыгнул с устланных тро-стниковыми циновками нар, подбежал к притухшему огнищу и бросил в хилое пламя охапку сухого валежника. Взлетел сноп искр, чуть позже вспыхнуло и затрещало яркое пламя, а по мрачным стенам бараборы запрыгали, заплясали рыжие и алые отсветы.

Сын Касатки вернулся на место и, тяжело дыша, долго и пытливо глядел в ярко освещенное лицо Цимшиана. Однако жрец оставался невозмутим, хотя и видел, как всё напряглось в этот миг в молодом вожде.

– Почему твой язык молчит? – Чокто нетерпеливо протянул шаману священное ожерелье. – Ты ведь всё знаешь, Цимшиан! Но лето быстрее сменяет весну, чем ты говоришь. Сколько тебе зим? Ты далеко не молод!

– Для лесного ореха – да, но не для горы... – старик усмехнулся щербатым ртом и крепче поскреб ногтями и без того расчесанную до крови ногу. – Я видел по твоему лицу, сын мой, что ты говоришь мне умом и сердцем. Это слова правды. Так говорил твой отец Две Луны, так говоришь и ты. У белых жадное, холодное сердце. Водяная Крыса предал нас, а за предательство мы бьем собачьей плетью. Три дня назад он приходил со своими людьми в наш лагерь. Многие хотели застрелить его, но я не позволил... Водяная Крыса сначала показал нам волчий зуб, тепер лисий хвост... Он обещал нам много ружей... Не торопись убить его, Чокто.

Старик послунывил пальцы и затушил прогоревший фитиль, затем бережно завернул амулет, что-то шепнул на восток, запад, спрятал священную связку в сыромятный кожух и замер, будто прислушивался. Чокто поправил повязку на груди, скрытую низким воротом ровдужьей рубахи. Старый знахарь вновь изумлял его. Каждый шорох, каждое дуновение ветра и нота в крике птицы, казалось, привлекали его внимание гораздо сильнее, чем что-либо другое...

– Каждому свое: орлу – высота, лососю – глубина, куште⁹ – нора, – глухо заговорил Цимшиан, глядя широко раскрытыми глазами в темноту, залегшую в углах жилья. И вдруг резко повернулся к вождю, так, что пучок соколиных перьев, привязанных шнурком к волосам, взметнулся, точно живой. Прикрытые веки его приподнялись, и взгляд, острый, как шило, остановился на Чокто:

– Ястреб, парящий в небе, видит больше, чем мышь, шуршащая в траве. Ты стремителен, как къ-илча¹⁰, и легкий в движениях, как горный лев... Ты догонишь их, Чокто, но прежде необходим танец и жертва духам-покровителям...

⁹ Кушта – выдра (индейск.).

¹⁰ Къ-илча – орел (индейск.).

Глава 2

Лагерь горел огнями костров. Небо посветлело, но солнце еще не взошло. Горы стояли в нежно-голубых и пепельных тонах. В лесу проснулся и застучал пестрый дятел, но никто не слышал его работы. По стойбищу раздавались женские злые окрики и глухие удары. Сквозь отгоняли плетками вездесущих собак и детей, желавших поглазеть на предстоящее действо.

В центре лагеря, там, где длинной цепью тянулись тотемы, уже полыхали языки огромного пламени, поднимающиеся в небо. Они освещали военные общества и танцоров с медвежьими и волчьими головами. Ухо заглушал непрекращающийся стук барабанов. Монотонный ритм был глубоким и неизменным.

Чокто, как, впрочем, и другие мужчины, был целиком захвачен церемонией, открывшейся его взору. Обнаженный, в одной набедренной повязке, раскрашенный до пояса красной и белой красками, он не обращал внимания на холодную росу, которая насквозь пропитала его мокасины. Только одна мысль занимала сейчас его: когда Цимшиан поднимет ритуальный жезл и даст свое согласие певцам.

И вот к бою тамтамов примешался пронзительный звук свистков из костей журавля общества Носителей Поясов, к ним присоединились черепаховые трещотки Людей-Рыб, и всё потонуло в пронзительных голосах поющих.

Жрец, облаченный в муллок¹¹ со свисающими до колен черными крыльями орла, поднял над головой жезл. Его помощники, младшие тунгаки, одетые по сему случаю в черные пышные киликэи¹², замерли, напряженно наблюдая за стариком. В руках они, как и все танцоры, держали тонкие длинные шесты, на которых развевались на ветру пучки человеческих волос. Все замерли, никто не улыбался, хотя с уверенностью можно было сказать, что в глазах Людей Берега светился восторг. Прошло еще несколько волнительных мгновений, прежде чем жрец опустил жезл, при этом издав протяжный и вибрирующий вопль. И тут же тунгаки, а следом за ними и все остальные пронзительно закричали. Всё население лагеря подхватило этот призыв, похожий на волчий вой стаи, и танцоры, поднимая пыль, сотрясли землю.

Чокто, стоящий во главе военного общества Каменных Стрел, пропитанный всеобщим возбуждением, тоже издал несколько лающих криков. В груди его всё трепетало, глаза горели дикой радостью, когда он выхватил сверкающий нож и вместе с другими воинами стал наносить на своем теле глубокие порезы, из которых обильно сочилась алая кровь.

Шехалисы, размахивая оружием, кружились вокруг молчаливых тотемов, издавая пронзительные боевые кличи, доводя себя до бешеного исступления... Сверкали в отблесках костра смазанные медвежьим жиром тела, мелькали лезвия топоров, трепетали орлиные перья... Пятьдесят лучших воинов ждала тропа славы... Каменные Стрелы не ходили в набег за рабами и лодками, все знали, что воины ходили за кровью и скальпами врагов... Именно поэтому в пути их ждали либо смерть, либо почет и песни, сложенные стариками...

* * *

Солнце, точно спелое яблоко, наполовину надкусили зубастые горы, а Чокто всё продолжал лежать на шкурах и смотреть на темнеющее небо. Воспоминания последних дней, как бисер на иглу, нанизывала его память. Он не откликнулся на звонкий голос Спящей-На-Шестах, зовущий его к ужину, не поднялся, чтобы сходить за кисетом. Странные были эти последние дни. Дни, в течение которых время для Чокто двигалось хаотично. Когда оно ему было нужно, как воздух, часы пролетали, как птицы. Когда же он желал, чтобы время проскользило быстрее, оно тянулось медленно, и мгновение за мгновением ползло, подобно нуд-

¹¹ Моллок – церемониальная накидка из шкуры кондора или крупных орлов (индейск.).

¹² Киликуй – ритуальный костюм из перьев ворона (индейск.).

ной вышивке ноговиц. Но даже не это больше мучило и раздражало его, а невозможность уравновесить свои внутренние чувства. Он знал, что нуждается в Белой Птице, но не знал, нуждается ли она в нем. Жрец на это ответить не мог... С другими близкими людьми куана Чокто говорить не хотел. Но этот вопрос, как пульсирующая, выматывающая головная боль, терзал его мысли. Он присутствовал в голове вождя постоянно, и сын Касатки не мог сопротивляться этому.

Сознание предстоящего похода ничуть не облегчало ему жизнь. Конечно, месть была манящей тропой спокойствия к его сердцу, но и она не развязывала узел сомнений. Временами он ловил себя на мысли подняться и вернуться в лагерь и обо всем переговорить с Сидящим-У-Чужого-Кост-ра или с Кхааша Чайак – Головой Орла, своими старыми друзьями, но всякий раз спотыкался о возможный смех над собой. «Мужчине чужды настроения и глупые мысли женщины, какая разница, думает она о тебе или нет. Если ты ее хочешь – возьми. Ты рожден воином, поэтому голос женщины под сенью Хребта Мира всегда будет звучать эхом мужа».

Чокто наморщил лоб: «Сумеет ли она понять мой народ? Будет ли Белая Птица зачерпывать рукой из шикбта¹³ горсти пепла и посыпать себе голову, когда придет смерть или голод в мой дом?» Ему вспомнились хриплые рыдания, вырывавшиеся из груди матери, когда утонул его младший брат. Идущая Берегом содрогалась всем телом... Черные хлопья золы падали с ее поседевших волос и рассыпались о ладони, клубясь у земли серым дымком... Слезы текли по исцарапанным ногтями щекам грязными ручейками, а она размазывала их тыльной стороной изработанной руки и скулила столь страдальчески и жалко, что он, Чокто, еще ребенок, ревел вместе с нею и сестрами.

«Хватит ли духа и желания у нее перенять и чтить законы наших предков? Видеть опасность, крадущуюся за листвой на другой стороне ручья, выделять шкуры, шить замшевые рубахи, собирать ягоды и вялить мясо?... Сумеет ли она, как его мать любила отца, любить его? И будут ли ее чары всегда так сильны, как сейчас?..»

Он закрыл глаза, перевернувшись на живот, жадно обнимая нагретую солнцем пахучую землю. Грядущие ласки опутывали душу Чокто сладким и тягучим, как мед, мраком, как нежные голоса предрассветных птиц... И он повергал в грезах свою любовь, комкая наяву пышные волчьи шкуры, хотя в тайниках души уже и сам не стыдился быть поверженным. И там, в миражах, в причудливой ломкой дымке чувств ее горячая кровь обжигала его дикую силу, бросала в неистовство, вызывая в ее плоти страсть до кровавых укусов целовать его бедра и грудь.

«Я зарежу ее, – бубном простучало в висках, – если она не войдет в мой дом...»

Внезапно трезвящий холод заставил его резко обернуться. Перед ним стоял, опираясь на жезл, Цимшиан. В глубоких, бархатных сумерках он виделся совсем иссохшим, будто живая мумия, стариком. Казалось, что даже редкая бахрома его длинной рубахи, цукли и жидкие волосы тянут его к земле. Он молча сел рядом, привычно подвернув под себя ноги, положил посох с кожаным свертком и ясно улыбнулся.

– Разве ты не знаешь, сынок, – хрипло обратился он к Чокто, – что истина может войти в ум только через глаза сердца. Довольно мучиться... Я знаю твои страдания и хочу помочь советом.

Чокто был слишком самолюбив, чтобы выразить свою радость и изумление словами шамана, но он был и слишком радушен, чтобы уйти от ответа, не оказав внимания старику.

– Мои уши открыты тебе, – как можно мягче сказал он и застыл во внимании.

Знахарь по обыкновению достал свою трубку, кiset с табаком, костяную трамбовку из лапы совы, плошку для прогоревшего табака и занялся приготовлениями. На какое-то время

¹³ Шикат – водонепроницаемая корзина, сплетенная из травы для переноски тяжестей или воды. Особенно были распространены у калифорнийских индейских племен. * * *

он, казалось, совсем позабыл о Чокто, всецело отдавшись серьезному делу. И лишь когда голубой дымок поплыл над его головой, он, по-рысьи шуря глаза, тихо сказал:

– Каждый из нас сам себе избирает путь. Ты шехалис, анкау, и всегда останешься им. Но Великий Дух благоволит ко всем людям. Поэтому я не осуждаю твоей страсти... – С этими словами Цимшиан овеял трубочным дымом плечи и лицо вождя. – Многие склонят перед тобой головы, и многие племена будут трепетать при звуке весел твоих воинов. Разве этого мало?..

Жрец тепло усмехнулся и покачал головой:

– С детства лучшие воины учили тебя владеть оружием, замечать притаившуюся в траве змею, управлять каноэ и бить копьем зверя, хватать на лету стрелы и отражать удар топора. Разве не так, сын мой? Вот, вот, — старик задумчиво выпустил дым на свою ладонь и провел пальцами по татуированному лбу. – Заметив в твоих глазах блеск силы, Широкий След взялся учить тебя лесному знанию, и теперь для тебя нет загадок и таинств в горах. В четырнадцать лет ты стал воином, убив в битве на Медвежьей Реке первого своего врага... Прошло немало зим, и ты стал великим воином, предводителем Каменных Стрел и анкау куана Касатки... Разве этого мало?..

Жрец, не ожидая ответа, выбил пепел в можжевелевую плошку и накрыл его кусочком бересты.

– Тебе сегодня кажется, что ты постиг всё... Знаешь, где отыскать воду, как добыть мясо и многое другое, но ты ошибаешься... Твои муки, сын мой, от того, что ты не можешь ответить себе на вопрос: кто такие белые лица, зачем они приходят в нашу страну, как живут и каким молятся духам...

– Откуда ты знаешь это? – голос Чокто дрогнул.

– Эту ночь я не спал, — откликнулся Цимшиан, — смотрел на плывущую луну и разговаривал с духами...

– Что они сказали тебе? – взгляд вождя заострился.

Знахарь долго молчал, пристально глядя в глаза Чокто, а затем глухо изрек:

– Ничего хорошего, что могло бы порадовать твой слух. Они дали мне понять, что белые лица никогда не поймут нас... И в их сердце не взойдут побеги жизни Людей Берега. Они приплыли из чужой страны, что лежит за Великой Водой... Учить их нашей жизни – пустая затея... Все равно, что кааху¹⁴ заставить говорить языком шехалисов. Сколько бы ты ни старался, их Бог заставит ее уйти...

– Ты идешь по ложному следу, старик! Духи обманули тебя... Мать Касатка приняла мою жертву! – Чокто столь стремительно вскочил на ноги и так громко прокричал это, что собаки на окраине лагеря ответили злобным лаем. Он что-то кричал еще дикое и яростное. Последние лучи солнца освещали его искаженное отчаяньем лицо. Но шаман лишь молча и спокойно перебирал узелки, затянутые на кожаном шнурке.

Потом всё надолго стихло. Вождь был снова спокоен, лицо его опять стало бесстрастным, но в широко раскрытых гордых глазах был унижительный для воина страх.

– Что же предлагают твои духи? – он осторожно коснулся пальцами плеча казалось спящего шамана.

– Они – ничего, но я могу дать совет. Если Белая Птица не примет наш мир... отпусти ее, подарив лучшее платье и мокасины, которые умеет делать Спящая-На-Шестах... Но при этом скажи: «Бери и уходи. Когданосишь, возвращайся за новыми». Ты не должен держать ее силой. Она может умереть... И если так будет угодно Великому Духу, то ее отказ жить среди нас – это знак прародительницы рода.

– Я не отпущу ее! – лицо вождя потемнело.

¹⁴ Кааха – утка (индейск.). (Рукопись Хлебникова К. Т. «Прибавление ... о народах, населяющих колонии Российской-Американской Компании»). (Прим. автора).

– Отпустишь, – повелительным, но не злобным тоном прервал его жрец. – И ты не будешь ей мстить. Так мне сказали духи. Помни об этом, сын мой, иначе навлечешь на Людей Берега беду. А теперь ступай в лагерь, завтра ты поведешь Каменные Стрелы на юг по тропе славы...

Цимшиан неловко поднялся, опираясь на посох, повернулся и, не оглядываясь, пошел вдоль тихого берега.

Чокто, снедаемый внутренним огнем, всё же бросил слова благодарности уже ему вслед, и тот, медленно обернувшись, издали последний раз улыбнулся.

Вождь уже хотел последовать совету жреца, когда обратил внимание на забытый сверток. Губы Чокто дрогнули в улыбке: старик никогда и ничего не забывал случайно...

Он склонился и развязал сыромятные шнурки: перед ним лежал боевой плащ отца, сшитый из многих десятков вражеских скальпов.

Глава 3

Енисейские двуручные топоры, брызгая белой щепой, стучали без устали, опрокидывая могучие ели. Терпко пахло смолой.

– Быстрее, быстрее! А ну, наляжем, мужички! – Тараканов с ожесточенным рвением руководил авралом.

На людей было больно смотреть. Будучи когда-то крепкими и рослыми, как на подбор, сейчас они не радовали глаз.

Их изможденные до крайности лица напоминали лица стариков, в глазах которых светилось нервное беспокойство, точно такое светится в глазах попавшей под горячую руку и привыкшей к побоям собаки. Последнее время им редко доводилось есть три раза в день, из-за чего скулы резко проступили на щеках, а скрытые щетиной подбородки стали похожи на заточенные колья.

«Не могу больше», – капитан, задыхаясь от усталости, утер рукавом застилающий глаза пот и, воткнув топор в поваленную лесину, отошел в сторону. Сбитые в кровь пальцы подрагивали осиновым листом, когда он набивал трубку и доставал из офицерского подсумка судовой журнал. От звука далекого волчьего воя, долетевшего с гор, сердце его сжалось, и Андрей замер, прислушиваясь сквозь отчаянно забившийся пульс. Это могли перекликаться индейцы. Прошло несколько напряженных секунд, прежде чем нервы приотпустило. Затравленно оглядевшись, он раскурил трубку, проклиная судьбу за выпавшую ему долю.

«Погоню я ждал, – Преображенский вытер окровавленные пальцы о грязные, вытянутые на коленях лосины. – Но не думал, что они нам на хвост так скоро сядут. Будем теперь со смертью в пятнашки играть вплотную... Ну да ведь и мы не беззубые щенки, огрызнемся, – успокаивал он себя, но тут же вновь вспыхивал: – Долго нам еще на брюхе ползать? Не привычен я загнанным песцом быть. Эх, если б не румянцевский пакет... Залечь в славном месте, да встретить их... Исход, конечно, гадателен... Но уж краше смерть, чем бегство. Верно приказчик замечал: “дож-дя бы... в пятку идут. По-зрячему гонят, как овец...” — Наморщив лоб, он с надеждой посмотрел на небо. Великое в своей безграничности и равнодушии, оно зябло куталось в перистое боа из мгlistых облаков. Далеко на западе, как птицы, срывались молнии и, огненно дыша, вонзались в грудь горизонта. Из-за гор выползала туча, и древние деревья, казалось, хмурили свои морщинистые лица, а налетающие порывы ветра рвали тело реки.

Андрей снова напрягся лицом, сжавшиеся губы превратились в немые тиски; уныло кружившее над их головами одинокое карканье седого ворона не предвещало ничего хорошего. Ему вспомнился морозный Охотск, лунный угар над его спящим садом и бегущая фигура в черном плаще... Капитан тяжело вздохнул – сердце его, похоже, высохло до дна из-за вечных страхов и подозрений... Но даже угрюмый Охотск с его матерыми сугробами по зиме, когда трескучий мороз рисует на оконцах свои сны, виделся ему теперь раем. И даже туманная проружь в небе с незамерзающей луной, казалось ему, согревала душу более чем здешнее солнце. «Еще акульки дети Коллинза! Эти не лучше дикарей, не пощадят — всех на куски рвут. Вот уж переплет, — он горько усмехнулся в кулак, — уже целая рать собирается ковырять изюм из моего рулета».

Пользуясь минутной передышкой, он открыл журнал с недописанной страницей, очинил потрепанное гусяное перо и обмакнул его в бережно сохраненную склянку с чернилами:

«...я приступаю к описанию, пожалуй, самого драматичного и отчаянного дня нашего многострадального путешествия. Доношу: в живых нас осталось всего девять человек... Вся остальная христоролюбивая команда полегла костями... Господа офицеры, братья мои во Христе и присяге, тоже отдали Богу душу, но мундир свой не запятнали трусостью... Гибель фрегата

и команды – это моя Голгофа¹⁵ и возмездие за неосмотрительность... грех, за который мне придется ответить на Высшем Суде... Ныне, превозмогая боль, усталость и голод, заканчиваем строительство плота, оный даст нам возможность преодолеть могучие воды реки под названием Колумбия... По мнению нашего проводника Тимофея Тараканова, американский форт Астория, на кой мы возлагаем все наши надежды, где-то совсем рядом, на противном берегу. Протяни, кажется, руку —и схватишь...

Каждую минуту рискуем быть подвержены новому нападению туземцев, кои настроены к нам крайне враждебно... Но странное дело – человеческая сущность: чем тоньше лед, тем больше хочется убедиться нам, выдержит ли он...»

Перо клюнуло в склянку напиться чернил, когда раздался голос денщика:

– Никак опять перо маете, вашескобродие? Отдохнули бы, ангелуша. Лица на вас нет, намахались топором. От меня вы, родной, ничего не скроете. Баловство одно. Вижу, есть у вас что-то на душе...

– Ну, что мнешься с ноги на ногу? – Капитан улыбнулся старику, предлагая сесть рядом.

– Да ревматизма разыгралась, Андрей Сергеич. Всего и делов-то. К погоде, чай.– Палыч, тяжело справляясь с одышкой, присел на траву.– Вот тебе и матросская лямка... Живем бродягами, а у них завсегда и бродяжья смерть...

– Чугин с Соболевым вернулись? – Андрей проводил взглядом беззаботную стрекозу, слетевшую с его сапога.

– Да чой-то нет пока. Черт знает, где их носит, бедовых. Тараканов говаривал, ручей неподалеку... Должны скоро быть. Лишь бы не пообедал ими кто, да на копья не напоролись.

– Соболев матрос бывалый,– капитан на секунду прислушался к далеким раскатам грома.– Ты вот что, любезный,– он потрепал денщика за плечо.– Как разумеешь, для чего человек живет на земле?

– Ась? – Палыч удивленно дрогнул усами.

– Человек, говорю, для чего живет?

– А это, голубь вы мой, смотря где он каблуки стирает... – философски жмуря глаза и выдерживая паузу, откликнулся старик.– В Туле или Охотске одно, опять же, ежели столицы взять... Тот, к примеру, наперекор всем по одной тропке идет, к наукам тянется... А другой за копейку готов удавиться и держит подо лбом одно: пусть я сдохну, а тятке, один бес, назло нос откушу... Здесь дело хрупкое, барин... Вы вот всё, сокол, вопросами задаетесь, муки от жизни терпите, как Христос... А вам бы жениться надо... Душа бы покоем взялась, детишек бы народили, чтоб как гороху в стручке... Матушка-то ваша, Анастасия Федоровна, уж как бы рада была... как рада... Но вы ведь сызмальства упрямый... – сокрушенно покачал головой Палыч и, обрывая мысль, принялся разглядывать свою обувь, тихо напевая:

Ой вы, годы-сороходы...

Волос белый – рот пустой...

Андрей усмехнулся дидактике денщика, но спорить не стал:

– Ладно, ступай, Господ¹⁶. Мне еще запись продолжить надо.

Палыч, оскорбленный новым непонятным прозвищем, ушел, а капитан торопливо перелистнул закончившуюся страницу и... точно напоролся грудью на нож: новый лист был изма-

¹⁵ Голгофа – крутая гора близ Иерусалима, на которой обыкновенно казнили преступников. Именно на ней был распят и Иисус Христос. (Прим. автора).

¹⁶ Господ – известный представитель дидактического и генеалогического эпоса (VIII—VII вв. до н. э.). Дидактизм его сочинений был вызван потребностями времени. Это время – конец всей эпической эпохи, когда героические идеалы иссыкали в своей яркой непосредственности и превращались в поучение, наставление, мораль. (Прим. автора).

зан кровью, будто по нему волоком протащили чью-то культу. Ниже грубо тянулась надпись: «НОЗДРЯ».

– Красота-то какая! – с тихим благоговением протянул Кирюшка.– Само прекрасно место, что я видел. Глянь, Ляксандрыч: с одной стороны река, с другой облака...

– И это всё, что ты можешь сказать? – оглядчиво щупая взглядом ельник, пробурчал Соболев.

– У тебя просто души нет, – не отрывая восхищенного взгляда от ленивого томления вод и нежного узорья заката, ответил Чугин. Молодое сердце его так и билось птицей под грубой матросской робой. Акварельная полуда¹⁷ тяжелых небес, река, выплескивающая солнце и золотящаяся рыбьей рябью, точно заморозила его. Не в силах выразить свои чувства к сей переменчивой бликами, чуткой к свету небес стремнине, он глухо сказал: – Я только во снах и видел такие реки. Чистолепные берега...

– Во снах, говоришь? – Соболев сторстил бороду.—Может, тебе, глупенья, приснится, как нам ее перейти? А река и впрямь полноводная, что наш Енисей или Волга-мать, только спокою в ей русского нет. Чу! Слышь?

Они напрягли слух, хватая отголоски далекого уханья филина.

– Эта птица, Тараканов брехал, завсегда гадает для каждого разное... Для баб-молодок – сколь осталось до свадьбы в одиночестве подушку кусать... для мужика при сохе – когда, значит, урожай...

– А для нас чой? – голос Чугина дрогнул.

– А для нас, вестимо, одно, братец... Сколь осталось до нее, постылой, с косой... Да ты не дрейфь, матушка моя. Страхов много – смерть одна. Тут как принюхаться, брат. Подумаешь – горе, раздумаешься – власть Господня. Так-то... А вон и ручей. Ишь ты, веселый, выдал себя бормотаньем. Ну-к, Кирюшка, дай мне твой котелок,—Соболев тепло сощурил один глаз, будто солнце прятал за темную мглу бровей, и указал: – Покуда я водицы наберу, ты подкормись ягодой. Глянь, сколь ее горит в траве. Земляника, похоже. Давай-давай, подкормись. Всё, что ни создала природа, – золото. Эт ценить надо: не ленись гнуть спину.

Чугина долго уговаривать не пришлось: пачкая рот спелой ягодой и вымачивая колени росой, он жадно пополз вдоль берега, позабыв обо всем. «Знашь, голодать-то как приходилось? – припомнились ему слова приказчика.—Нонче еще не голод, а так, только тень его... Вот близ Кадьяка мы с голоду пухли на диком острове... то были злолютые дни... Уж лучше на ноке¹⁸ быть вздернутым, чест-ное слово! У нас нонче, худо-бедно, похлебка бывает, копченая оленина, остатки матросских сухарей, овсяные лепешки, смазанные барсучьим жиром, словом, при деликатесах, чинно еще живем... А тогда было шесть ночей голода и надежды. Звезды глазели на нас, дрожащих, на том чертовом острове... где ветер-сквозняк продувал до костей... Мы голыми руками и ножами выкапывали из песка ракушки и высасывали их склизкое дерьмо... Через два дня, веришь, мы уничтожили всех крабов на берегу, делали из портков нечто вроде сачков и ловили ими мелкую хайку и чавычу¹⁹, которую тут же жрали сырой... И соли хоть бы щепотка! Многих рвало, но они, один черт, ели эту сырятину... Голод, точно росомаха, грыз и царапал наши желудки, и мы готовы были резать друг друга! Слава Небу, на пятый день была обнаружена нерпа, которую шквалом выбросило на берег. Ее тут же распластали на части и съели целиком, вместе с вонючими потрохами... А потом резали на лапшу свои сапоги, пока нас не подобрал проходящий капер...²⁰»

¹⁷ Полуда – буквально олово, наведенное тонким слоем на медь, железо с целью предохранения этих металлов от окисления. Медная кухонная посуда всегда покрывалась полудой. (Прим. автора).

¹⁸ Нок – любой свободный конец рея, гафеля или гика (горизонтального или наклонного рангоутного дерева) (морск.).

¹⁹ Хайко, чавыча. Хайко – кета; чавыча – нежная рыба, род семги. (Прим. автора).

²⁰ Капер – частное судно, имеющее официальное разрешение воюющей державы (каперское свидетельство) на захват

Туман плотно сгустился в ногах. Вечернее небо стало тоньше и выше, где-то в зарослях прибрежного ивняка устало вздохнула выпь. Чугин поднял свою бритую голову и ахнул: прямо перед ним в саженях семи-восьми покачивалась шлюпка, прибитая к берегу.

– Святая Богородица, спаси и помилуй! – прошептал молодой матрос и потер кулаками глаза, отказываясь верить: в разбитой посудине он тут же признал пропавшую с «Северного Орла» шлюпку.

* * *

Лицо Андрея приобрело восковой оттенок. Пульс бешено бился, но глаза уже ничего не видели.

«Ноздря! Ноздря! – жалила змеей мысль.– Он здесь, среди нас...» Роняя на землю перо и журнал, он поднялся, точно в огненном сне. Красный шепот дурного предчувствия обуглил душу. Зло сбивая сапогами медногубый татарник²¹, он бросился к берегу, где звенели топоры и интрепели, где распущенный швартов²² стягивал упрямые бревна.

Он сделал еще только шаг, как в груди болью аукнулось эхо: что там, впереди?! «Джесика!» – закатный багрянец окоёма задрожал перед глазами, голос треснул, ко-гда он забормотал молитву, хватаясь за пистолет. За какой-то десяток-другой шагов молнией вспыхнул их разговор:

– Мне жаль, но я, похоже, ничего не умею делать того, чтобы быть полезной вам, – она виновато посмотрела на него, а потом на потные спины матросов, что кряхтели у поваленных бревен.

– Полно казнить.– Он ответил тогда с дурашливым смехом, на миг прекращая работу.– Люди, кои «ничего не умеют», нередко делали открытия, не так ли? Сейчас для тебя лучшее время освежиться... Прости,– Андрей притянул ее за руку и тихо сказал.– Я помню наш разговор... Ты так мечтала искупаться... Только не уходи далеко. И возьми оружие.

«Дьявол! – Преображенский щелкнул взведенным курком.– Сколько ни учи петуха псалмы петь, он все кукарекает. Нет, чтоб прежде о сем подумать! Трижды дурак!»

Матросы у плота, пыхающие махоркой, увидев подбежавшего капитана, его пепельно-серое лицо, поспешно раздались в стороны, освобождая место, и застыли, вытаращив в испуге глаза. Андрей хватил взглядом берег, работников и, задыхаясь от бега, прохрипел:

– Где приказчик? Где Зубарев?

– Да вот только оба тут были... – откликнулись растерянные голоса.– Давече при связке бревен Зубарев узлы затягивал, а теперь шут его знает...

– Да погодите! – вклинился Палыч.– Он испужал меня, прежде чем мне к вам подойти. Вот тутось, на мхах он лежал,– казак торопливо указал капитану место.– Лежит этак мертвяком... руки сложил на груди, глаза открыты... И в небо уперты, как вилы... Я ему тогда пригрозил, вашескобродие: так, мол, и так, Мотька... Ты смотри, зря-то людей не пужай, окаянный!

– А что случилось, вашескобродие? У нас все в порядке, как у бобров на плотине,– невпопад пошутил Кулаков, один из старших матросов, и уже невнятно добавил.—Плот через четверть часа будет готов...

– Где приказчик?! – лицо Андрея напряглось. «Правильно Гергалов говорил: недаром сей черт, как береста на огне, крутится... Что-то кроется за ним... и в глазах всегда будто мыши бегают».– Где он?! – уже в голос прокричал капитан.

– А в чем дело? – остужно прозвучал за спиной голос Тимофея.– Чужие дела куда как ловко судить, барин. А взять хоть вас... где вы были, когда вершились убийства?

торговых судов противника, а также судов нейтральных государств, поддерживающих торговые связи с неприятельской стороной. (Прим. автора).

²¹ Татарник – широко распространенное название многих травянистых растений.

²² Швартов – толстый трос для крепления корабля к пристани.

Последние слова прозвучали громко и зло. Тараканов, сжимая ружье, холодно смотрел в глаза капитана.

– Вы уж и рады к мелочи придраться, а я не меньше других руки сбивал... Убийства всяк мог творить. И он, и он, и он! Почему вы все подозреваете только меня? Кем тогда я вас могу считать? Повторяю: убийства всяк мог творить. Таково мое мнение.

– Но не мое.– Преображенский стремительно подошел к суперкаргу и схватил его за грудки.

– Ой, не буди лихо, пока оно тихо,– зловеще процедил Тимофей, но дрогнул под напором капитана.

– А ты зубами не скрипи, мне один бес, хоть до корней их сотри. И пока порог правды не спознаю, вопросы здесь задавать буду я. Постиг?

– Да клянусь, я не убивал. Не убивал!

– Не надо клясть,– Андрей разжал пальцы.– Мне нужна только правда. И помни, Тимофей, кроме меня тебе здесь никто не верит. А теперь,– Преображенский круто повернулся ко всем.– Слушай мою команду: вы двое направо, вы налево... Палыч со мной... Обыскать берег и найти мне Матвея, из-под земли, но найти...

Глава 4

У Чугина, как прежде на тропе, перехватило дух. Он тут же узнал эту белую шляпку с «Северного Орла», что таинственным образом исчезла в ту ночь с фрегата.

Сделав два шага к ней, он едва не подавился криком: на корме виднелась чья-то нога, обутая в тяжелый черный морской сапог. Проклепанная медными гвоздями подошва в виде креста с массивным каблуком смотрела прямо на него. Лицо Кирюшки слилось по тону с цветом серой рубахи. В какой-то момент он ощутил горький хиновый привкус во рту – привкус тотального страха. Пальцы, испачканные ягодой, комкали конец поясного ремня, а медный крест на каблуке чудился прицелом, направленным в его грудь.

– Ляксандрыч, Ляксандрыч! Тама... там мертвец! — матрос бросился к Соболеву.

– Тише ты, дура! – плеткой стегнул ответ. – Здесь по воде на две версты голос летит. Не боись, мертвые не кусаются.

Соболев поставил в густую траву у ручья котелки, оглядчиво прикрыл их ветками и, щелкнув курком, бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.